

№10
Октябрь 2009

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

„Я видел горные
хребты,
причудливые как
мечты ...“

Armavia
Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева, Арсен Еремян, Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани, Алена Деняга, Нино Цитланидзе

№10⁽⁴⁹⁾
Октябрь 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИЯ	РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, СЕМЬЯ	4
	ГДЕ МОЛЯТСЯ ГРУЗИНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	6
ЮБИЛЕЙ	НАД ВЕРШИНАМИ КАВКАЗА	8
	НА СМЕРТЬ ПОЭТА	10
РУССКИЙ МИР	НАША ОБЩАЯ БОЛЬ	14
ФЕСТИВАЛЬ	«НОВЫЙ МИР» КАК НОВЫЙ МИР	18
	УСЛЫШАТЬ СЕБЯ	22
НАЧАЛО	УМЕТЬ ВИДЕТЬ ПРЕКРАСНОЕ	24
О, СПОРТ!	ВИЖУ ЦЕЛЬ	26
	ДУЭТ БРАТЬЕВ	29
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	В ТБИЛИСИ ЕСТЬ УЛИЦА РИМА	31
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	В ПОИСКАХ УХОДЯЩЕЙ НАТУРЫ	32
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	КОРОЛЬ ВЕРДИЕВСКОГО РЕПЕРТУАРА	36
ПРИЗНАНИЕ	КРУНК ПРИЛЕТЕЛ В АРМЕНИЮ	38
БАЛЕТОМАН	НЕОБЫЧНАЯ ПРЕМЬЕРА	40
ВЕРНИСАЖ	МОРЕ АРОМАТОВ И ЖЕМЧУГА	44
СОТРУДНИЧЕСТВО	СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ	46
ПАЛИТРА	КАК ОЖИЛА ДЖОКОНДА	48
ДАТА	ГРУЗИНСКИЙ СОЛОВЕЙ	51
ПРОЩАНИЕ	БЕССМЕРТИЕ	53

На обложке - памятник М.Ю. Лермонтову во Мхета.
Фото Гоги Чанадзри

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:
Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвадзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торадзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетухуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе, Евгений Табачников, Михаил Носов (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Поликанина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения)

ISSN 1512-2972
UDS: 008.1(47922:470)
С-24

Бадри Какабадзе

РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, СЕМЬЯ

Как органичны эти понятия для человека. Как они отличают человека в мире природы. Лишите человека родины, семьи, друзей и он будет обречен на духовно-нравственные и физические страдания. Если человека в силу обстоятельств переместить в «другие берега», он будет искать соотечественников и обустроивать свою малую родину на новом месте.

Так случалось со всеми грузинами, оказавшимися в России на протяжении последних трех столетий. Славу и цвет грузинских петербуржцев составляли представители науки, культуры, искусства, военачальники и государственные деятели.

Нынешняя немногочисленная грузинская диаспора Санкт-Петербурга представлена достойными продолжателями славных дел своих предшественников. Из примерно тридцати тысяч петербургских грузин первым безоговорочно признается Бадри Какабадзе.

Свыше двух десятилетий Бадри Давидович руководит грузинским землячеством «Иверия», ставшим региональной общественной организацией «Грузинская культурная автономия Санкт-Петербурга», президентом которой он является.

Он руководит работой президиума, опираясь на свои глубокие знания славных деяний выдающихся грузинских предшественников в Петербурге, и хорошо понимает всю ответственность, которая легла на его плечи. Недаром природа одарила Бадри живым умом, добрым сердцем и замечательным характером. Энергия его всегда направлена на созидание.

Родился Б.Какабадзе в 1959 году в г.Цхалтубо. По окончании Ленинградского технологического института холодильной промышленности в 1983 году был распределен на Ленхлагокомбинат №6 на должность инженера-технолога. В апреле 1989 года на общем собрании трудового коллектива Б. Какабадзе единодушно был избран директором комбината.

Вскоре комбинат был преобразован в акционерное общество открытого типа «Петрохолод», а Бадри Какабадзе стал председателем Совета директоров. Тогда же ему было присвоено звание заслуженного работника его отрасли.

«Петрохолод» славится не только самым вкусным мороженым, предприятие любимое петербуржцами за свои дела. «Петрохолод» регулярно помогает «Всероссийскому обществу слепых», общественной организации инвалидов по слуху «Дельфин», обществу «Красный Крест», правозащитной организации «Аврора», Всероссийской общественной организации ветеранов, Валаамскому монастырю, школам Выборгского и Калининского районов Петербурга, детским домам и детским садам, интернату №9, многим военным вузам и училищам города, детям, приезжающим из Чечни на отдых. Это неполный перечень благотворительных дел «Петрохолода», за которые Бадри Давидович был награжден орденом «Созидатель Санкт-Петербурга».

Бадри Какабадзе многое делает, инвестируя в различные компании и организации Грузии. И его заботы обращены на благотворительность. В Хони он спонсирует создание музея Григола Абашидзе. Возводит церкви в Цхалтубо и в селе Кухи Хонского района. Там же открывает музей Поликарпа Какабадзе. В Кутаиси содействует реставрации парка имени Бесариона Габашвили. Заботами Какабадзе пять многодетных семей переехали в новые квартиры. Он способствовал открытию кабинета русского языка и литературы на филологическом факультете Тбилисского университета. На торжества по этому случаю прибыла большая делегация ученых Санкт-Петербургского университета во главе с его ректором Л.А.Вербицкой.

Возглавляя Грузинскую культурную автономию С.-Петербурга, Б.Какабадзе широко известен своими делами во благо России и Грузии, всех жителей нашего города, коренных и мигрантов. Он открыт для всех, достойных звания человека. Более двадцати лет назад главным для него стало создание грузинской школы для детей беженцев из Абхазии и Цхинвали и строительство грузинской церкви. Это требовало огромных людских, финансовых ресурсов. Благодаря энергии Б.Какабадзе стало возможно найти сподвижников, разделявших его заботы и чаяния. «Из ничего и ниоткуда» появилась в С.-Петербурге грузинская средняя школа, при которой были организованы хореографический и вокальный ансамбли. Искусству танца и вокала обучались не только ученики грузинской школы, но также дети из русских школ.

Более десяти лет воздвигался грузинский храм в Петербурге. Разумеется, всеми работами по воссозданию церкви руководил Б.Какабадзе. Освящение Грузинского прихода торжественно состоялось в 2002 году с приглашением высших церковных иерархов С.-Петербурга и Тбилиси, представителей государственных структур Грузии и России, деятелей науки и культуры обеих стран.

В С.-Петербурге не замирает культурная и духовная жизнь представителей Грузии. С неизменным успехом проходят гастроли драматических театров им. Ш.Руставели и А.С.Грибоедова, Тбилисского театра оперы и балета им.З.Палиашвили, Симфонического оркестра Грузии, концерты выдающихся оперных и эстрадных певцов и хоровых коллективов. Выступление ансамбля «Голоса Грузии» в главном концертном зале Петербурга расценивалось как выдающееся событие в культурной жизни города. Всегда были значимы гастроли знаменитых наших соотечественников Зураба Соткилава, Элисо Вирсаладзе, Софии Чиаурели, Нани Бреговдзе, Вахтанга Кикабидзе и многих других представителей грузинской культуры. Ни одно из этих культурных событий не состоялось без содействия Бадри Какабадзе. При его непосредственном участии открыта кафедра картвелологии в С.-Петербургском университете. Он ежегодно помогает студентам, изучающим грузинский язык, пройти летнюю практику в Грузии.

Большое внимание уделяет увековечению памяти соотечественников в Петербурге. Год назад была открыта мемориальная доска в честь героя Отечественной войны 1812 года генерала Петра Багратиона. На Пискаревском кладбище установлена мемориальная плита в память грузин, погибших в блокадном Ленинграде и в боях за освобождение города.

Благотворительность Б.Какабадзе направлена и на издательскую деятельность. Он способствовал выпуску книги «Патриарх Илия II», новым изданиям «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели и сборника стихов Тициана Табидзе. При его содействии увидели свет исторические романы петербургского писателя, профессора Ю.Деткова «Императрица» и «Скипетр самодержца», посвященные времени правления Екатерины II и Петра I. Оба романа отражают прочные связи между Росси-

ей и Грузией со времен царицы Тамары. Не без участия Бадри Давидовича увидела свет и книга знаменитого хореографа Г. Алексидзе.

Многогранная общественно-культурная деятельность Б.Какабадзе не осталась незамеченной, его личный вклад в сохранение дружбы и взаимопонимания между грузинским и русским народами, как и его усилия по сплочению грузинской диаспоры в Петербурге.

Б.Какабадзе - кавалер ордена «Святого Георгия» Русской Православной Церкви, Ордена Чести Грузии, ордена «Созидатель Санкт-Петербурга», медали в честь 300-летия Санкт-Петербурга и других. Русская Православная Церковь возвела Б.Какабадзе и его семью в княжеское достоинство.

Без опоры и поддержки семьи вряд ли заслуги этого человека были бы столь значительны. Во всех начинаниях рядом с ним — его жена Нато Сергеевна Турабелидзе, возглавляющая женскую организацию грузин-

ской диаспоры «Женщины Грузии за мир и за жизнь», она взяла на себя заботы о грузинской школе и вокально-хореографических коллективах. Рядом с родителями всегда находятся и дети, Натия и Давид, получившие не только хорошее образование, но и прекрасное воспитание. Есть уверенность, что они будут достойны своих родителей.

Бадри нашел поддержку и опору не только в своей семье. Он собрал единомышленников. Это члены Президиума Грузинской культурной автономии — вице-президент Борис Берулава, Татьяна Никольская, Тамаз Тогонидзе, Джумбер Карчава, Юрий Хажомия, Диана Чежия, Майя Лобжанидзе, Григорий Липартелиани, Давид Русия, Ираклий Русия, Джон Шаматава, Джамбули Гаделия, Наргиза Сохадзе. Это они помогли оказывать гуманитарную помощь пострадавшим в вооруженных конфликтах людям, независимо от их этнической принадлежности на протяжении многих лет.

Большую поддержку оказывают землячеству предприниматель Гия Гвичия, президент медицинской ассоциации «Меди» профессор Тамаз Мчедлидзе, литератор Наталия Соколовская, балерина Ирма Ниорадзе, хореографы Софио Липартелиани и Мариам Ниорадзе.

Грузия, многострадальная моя родина, какое счастье, что в твоей семье есть такие сыновья как Бадри Какабадзе.

Альвина ТАБАДЗЕ

Автандил Шенгелия

ГДЕ МОЛЯТСЯ ГРУЗИНЫ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

Грузины Санкт-Петербурга имеют свой молебельный дом. «Грузинское духовное пристанище» – Шестаковской иконы Пресвятой Богородицы церковь в центре города на Старорусской улице. Место встреч и молений, свидетель многих жизненных невзгод, здание церкви было возведено в 1901 году по благословению великого русского святого Николая Кронштадтского. Автор проекта Николай Никонов проектировал также монастырь в Новом Афоне, в Абхазии.

Грузинская диаспора Санкт-Петербурга юридически была зарегистрирована 12 июня 1991 года, а 19 мая 2002 года освящена Шестаковской иконой Пресвятой Богородицы грузинской церкви митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром, в праздничной церемонии, при участии грузинских и русских

священнослужителей. Но до этого предстояло пройти долгий путь...

В 1993 году распоряжением мэра города Анатолия Собчака было передано аварийное здание церкви, в котором размещались мастерские и склады научно-исследовательского института. Здание носило следы пожара, его предстояло расчистить и привести в порядок.

Президент грузинской диаспоры «Иверия» Бадри Какабадзе, грузинские благотворители и члены землячества приступили к восстановлению церкви. Кто помогал деньгами, кто – строительными материалами, работал физически. Большую часть жертвований внесли акционеры обществ «Петрохолод», «Степан Разин», «Технолог» (генеральные директора Бадри Какабадзе, Гия Гвичия, Сосо Куталия), президент международной ассоциации экономистов Сослан Харебов. Заместитель директора управления Департамента строительства Джамбул Гаделия на свои средства установил купол церкви. По окончании строительства присутствующие стали свидетелями чуда: на купол упал с неба светлый луч! Надо сказать, что у Джамбули Гаделия и его супруги к тому времени родился долгожданный ребенок.

Строительными работами руководил Борис Берулава. В первый же год была готова молебель на первом этаже. Без усталости трудились иконописцы Аристо Багратиони и Заур Цхадая.

Проявлением любви к грузинской церкви и грузинскому народу стал факт, когда русские жители Санкт-Петербурга – полиглот Владимир Василик и кандидат

искусствоведения Мария Днепровская основали церковный хор. В 1995 году, в день Христова Воскресения, незнакомый петербуржец принес поврежденную икону, бывшую до этого собственностью грузинской церкви. В ее стенах она стала приобретать прежний вид: на ней ясно проступили лики трех святых.

В октябре 1996 года в церкви состоялось большое праздничное событие – визит Католикоса-Патриарха всей Грузии Святейшего и Блаженнейшего Илии II. Он благословил настоятеля церкви отца Романоза Вепхвадзе.

В церкви осуществляются безвозмездные бракосочетания, крестины, молебны; здесь же хранится архив грузинского землячества. Среди прихожан церкви есть и русские жители района. Именно они подарили грузинской церкви икону Коломенской Богородицы. Несмотря на политические осложнения и непонимание между нашими странами, они приходят и ободряют нас. И об одном еще. В 2008 году, на Святую Пасху из Иерусалима, впервые в истории города, божественный огонь доставил грузин – Алексии Баиндурашвили.

Художник-реставратор Автандил Шенгелия два с половиной года трудился над восстановлением Шестаковской иконой Пресвятой Богородицы. Он возвратился в Грузию и с ним нам удалось побеседовать.

Автандил Шенгелия – заслуженный художник Абхазии, кавалер Ордена Чести. Его картины хранятся в Национальной галерее Абхазии, частных галереях и коллекциях в Голландии, Грузии, Германии, Франции, США, Ватикане, России, Великобритании, Японии, Китае, Италии...

С 1977 года он – участник совместных и персональных выставок во многих странах. С 1992 года – директора Сухумского художественного училища им. А. Шервашидзе.

– Батоно Автандил, вы принадлежите к числу сухумских художников, которых называют восьмидесятниками. Как оцениваете ваш жизненный путь?

– Я родился в Сухуми в 1955 году. Учился в местной художественной школе, в художественном училище им. А. Шервашидзе. Продолжил образование в Петербурге, на факультете станковой живописи Института им. А. Герцена. Потом учился в Академии художеств им. И. Репина, на факультете живописи.

– Как повлияло искусство художника-реставратора на ваши занятия графикой и живописью?

– В Сухуми я жил по соседству с церковью. Не обошлось и без генетической наследственности. Отец бабушки – Самсон Ниуа – был священником. Поскольку я со школы был верующим, меня даже из пионеров тогда исключили.

Война 1993 года обернулась для нас потерей Сухуми. 27 сентября – день моего рождения. После этого я отмечаю его в другой день. А день падения Сухуми остается для меня днем боли. Вместе с родителями, сестрой, семьей покинул родной город. Отец погиб через три месяца. Знаете, каким человеком он был?! Перенес множество лишений, потерю близких, страдания, окреп сердцем. По приезду в Тбилиси обратился за помощью в Министрство культуры. Помогли нам с жильем. Начал работать в училище им. Я. Николадзе, потом пригласили преподавать в Академию художеств Грузии, на кафедре рисования. Помните, какое время было? Моей

зарплаты не хватало, жизнь требовала свое. Я рисовал и свои работы продавал на проспекте Руставели. Это мне помогло выжить. Сил мне придал мой духовник – отец Акакий. Он сухумец. Я сейчас хожу в Метехский храм молиться.

– Как вы оказались в Петербурге?

– Отца Романоза Вепхвадзе я знал по Сухуми. Однажды позвонил и спросил: не смог ли расписать церковь? Я уже имел опыт – в 1985-м участвовал в реставрации Кирилло-Белозерского монастыря в Новгородской области, а спустя четыре года восстанавливал фрески кафедральной церкви Цхум-Абхазской епархии. Вначале встретился с Бадри Какабадзе и показал эскизы. Ему понравились. Получил благословение владыки Даниела и в мае 2006 года отправился знакомиться с церковью. Провел подготовительные работы, установил подмости. На третьем этаже устроил временное жилье. Вернулся в Тбилиси и потом снова отправился расписывать фрески общей площадью 1500 кв. метров. На этот раз со мной был друг Джано Пуртухия. В ноябре 2008 года работу закончили.

– Довольны ли вы своими работами?

– Время покажет. Хотя буду не искренен, если скажу, что просто доволен. Душу и сердце в них вложил. Русские прихожане приходят и говорят: здесь отдыхаем духовно.

Церковь Пресвятой Богородицы

– Что скажете о планах?

– В Голландию лечу. Мой сын, художник Георгий Шенгелия, жена у него голландка, по профессии искусствовед. Живут в городе Алкмар, близ Амстердама. У них родилась дочка – Джуна-Анастасия. Везу с собой эскизы – мы с сыном устраиваем совместную выставку. В Голландии проживает немало грузин, а своей церкви не имеют, ходят молиться в русскую. В Хони я видел церковь, подготовил эскизы, и если будет разрешение патриаршества, с удовольствием возьмусь за эту работу.

– Какие чувства вы испытываете, чего больше в сердце – сожаления или скорби?

– И то и другое! Но сильнее и важнее надежда. Ею живу, с ней молюсь. Знаю, что Грузия воссияет, и моя родина удостоится мира и добродетели.

Натия ГОГИТИДЗЕ

М.Ю.Лермонтов. Автопортрет. 1837-1838

НАД ВЕРШИНАМИ КАВКАЗА

В 1907 году в Париже была издана изящно оформленная книжка, озаглавленная «Мишель Лермонтов, «Демон», восточная легенда, перевод с русского княгини Елизаветы Орбелиани». В связи с этим изданием рождается вопрос о точности и художественных достоинствах перевода, об его авторе, а также о месте этого перевода в истории проникновения на Запад творчества Лермонтова.

Первые переводы поэзии Лермонтова появились в Западной Европе в 1840-х годах. Как указывается в «Лермонтовской энциклопедии» в статье о переводах, из поэтических произведений наибольшей популярностью пользуется «Демон». В Германии первый перевод поэмы был издан в 1852 году, во Франции – в 1858-м,

в Италии – в 1865-м, в Англии – в 1975-м, в Швеции – в 1877-м. Среди первых переводчиков иностранцы, преподававшие европейские языки в российских учебных заведениях, М. Меттлеркамп, Т. Шоу, П. Пелан д'Анжер и другие.

Некоторые переводы были выполнены русскими, хорошо знавшими французский язык. Так, перевод «Демона» Т. Аносовой был издан в Париже в 1860 году. В середине 60-х годов И.С. Тургенев прозой перевел поэму «Мцыри». По его просьбе этот перевод пересмотрел Проспер Мериме, который изучил русский язык и сам занимался переводами.

Переводчица, которой посвящена эта статья, знала языки, как русский, так и французский. Елизавета Орбелиани (урожденная Багратиони, 1871-1942) была продолжательницей рода царя Ираклия II (по отцу) и поэта Александра Чавчавадзе (по матери). Образование она получила во Франции, на французском языке писала стихи. Сборник ее лирических стихов был издан в Тифлисе в 1910 году под псевдонимом Сазандари. Стихи написаны прекрасным французским языком, содержат воспоминания, картины природы, личные переживания. Иосиф Гришашвили с подстрочника Соломона Иорданишвили перевел на грузинский язык ее стихотворение «Царица Тамара и ее певец».

Талантливая красивая женщина и поэтесса Елизавета Орбелиани была хорошо известна в обществе, в ее салоне бывали деятели искусства, писатели как грузинские, так и приезжие. Акакий Церетели посвятил ей стихотворение. В последующие годы Елизавета Орбелиани занималась грузинскими материалами: перевела на французский язык «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели и стихи ряда поэтов XIX-XX вв. В работе с грузинским текстом ей помогал С. Иорданишвили.

Перевод «Демона» относится к началу творческой деятельности Ел. Орбелиани. Несомненно, это плод большого труда, ибо стихотворный перевод Лермонтова – задача весьма сложная. Текст поэмы переведен целиком, за исключением того, что в первой части сокращены и соединены VII и VIII строфы, а во второй части XIII и XIV. В некоторых местах имеются сноски, в которых даются объяснения к словам Казбек, Дарьял, Арагва, Карабах, осетины и другим.

Французский текст читается легко и, по возможности, передает колорит и настроение поэмы. Сравнение с оригиналом показывает, что некоторые места переведены с большой точностью. В основном, правильно передавая магистральную линию, Орбелиани отходит от буквальности точности и предлагает более свободный перевод. В некоторых местах изменен порядок стихотворных строк: в оригинале при описании Дарьяла и Терека сначала упоминаются «горный зверь и птица», а потом «золотые облака»; во французском тексте описание идет в обратном порядке. Монолог Демона начинается словами: «Клянусь я первым днем творенья»; во французском варианте Демон начинает клятву с упоминания последнего дня мироздания.

Отступлений от текста и неточностей в переводе очень немного, но встречаются следующие пропуски. Так, в монологе Демона пропущены слова «Иль ты не знаешь, что такое людей минутная любовь» и следующие шесть строк. В первой части поэмы отсутствуют строки «И над вершинами Кавказа изгнанник рая пролетал». Следующая после описания танцующей Тамары строфа начинается восклицанием: «И Демон видел...». В переводе же использовано повествовательное предложение, в котором эти слова не имеют подчеркнуто эмоционального акцента. В переводе пропущены некоторые названия и собственные имена: при описании Дарьяла не назван Терек, а говорится о пенящемся потоке; жених Тамары вовсе не именуется; слово «чингара»

(чонгури) заменено лютней; в описании одежды князя говорится о рукавах его горского костюма. Однако слово «папах» в переводе оставлено, и тут же в сноске дается его объяснение.

Во французском тексте встречаются и некоторые дополнения. У Лермонтова в описании каравана верблюды едва-едва ступают «под тяжелой ношею даров». В переводе говорится о дарах, «достойных султанши». При описании убитого князя прибавлены слова об его сабле, которая волочится по земле. В конце поэмы более пространно говорится о горе старого Гудала.

Следует отметить, что переводчице особенно удалось передать лирические и эмоционально напряженные места поэмы. Красиво дается описание гор, видных из монастыря. Прекрасно звучат в переводе слова Демона в конце первой части, удачно переведены характерные для Лермонтова перечисления, постепенно усиливающие эмоциональный настрой («Лишь только ночь своим покровом» и дальше). Так же хорошо читаются монологи Демона во второй части поэмы.

Перевод Ел. Орбелиани издан с небольшим предисловием.

Но прежде следует коснуться существовавших до этого критических материалов. Их было очень немного. Первые сведения о Лермонтове появились во французских журналах 1840-х годов. Тургенев предпослал к своему переводу «Мцыри» краткие сведения об этой поэме и ее авторе. Пелан д'Анжер поместил небольшой критико-биографический очерк о Лермонтове в сборник своих переводов, озаглавленный «Поэтические шедевры Лермонтова, поэта Кавказа» (1866).

Трагическая судьба поэта и Кавказ как преобладающая тема его творчества – эти вопросы подчеркиваются во всех материалах того времени о Лермонтове, в том числе и в книге писателя Мелькиора де Вогюэ «Русский роман» (1886). В качестве секретаря французского посольства Вогюэ провел в России около семи лет, изучил русский язык, литературу и стал публиковать критические статьи. В книге «Русский роман» главное внимание обращено на Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого. Но первые две главы дают обзор предыдущих этапов развития литературы. О Лермонтове речь идет во второй главе, посвященной романтизму. Наиболее яркое его выражение автор видит именно в поэзии Лермонтова и пишет о влиянии на него творчества Байрона. Вогюэ подчеркивает значение Кавказа для русских писателей, особенно для Лермонтова. Лучшим образом его поэтического творчества он считает поэму «Демон», которую «по великолепию описаний и по силе чувств можно сравнить с Мильтоном». Вогюэ высоко оценивает прозу Лермонтова, а также его лирику и специально останавливается на некоторых его стихотворениях.

Работы Вогюэ способствовали популяризации русской литературы на Западе. Однако если к концу столетия виднейшие русские прозаики получили широкий отклик в Европе, то поэты, в частности Лермонтов, были мало известны читателям.

Предисловие к переводу «Демона» Ел. Орбелиани написано писателем Франсуа Коппе. Автор ряда поэтических сборников, драматических и прозаических произведений, он был членом Французской академии, что и указано на заглавном листе лермонтовского перевода. Его предисловие начинается с указания на то, что за последние двадцать лет русская литература вызвала огромный интерес во Франции. При этом Коппе называет имена Толстого, Достоевского, Горького. «Однако поэты, их предшественники, у нас почти неизвестны», – замечает он. Коппе пишет о трагической гибели Лермонтова, который, проживи он дольше, «мог бы сделаться российским Байроном». Далее речь идет о ссылке поэта на Кавказ, где он написал поэмы, великие по замыслу

Елизавета Орбелиани

и вдохновению. Лучшую из них перевела на французский язык княгиня Ел. Орбелиани. Очень ценны для нас суждения Коппе о французском тексте поэмы. «Конечно, переводчица допустила некоторые вольности... – пишет он, – но это не так важно; главное, как нам кажется, она удачно уловила и передала стремительный поток сменяющих друг друга картин и полет бурного вдохновения, столь характерного для гения Лермонтова». Как основное достоинство Коппе подчеркивает лиричность перевода и благодарит переводчицу, которая дала ему возможность познакомиться с творчеством великого русского поэта.

Высокая оценка столь компетентного автора говорит о достоинствах перевода, который, несомненно, сыграл свою роль в истории ознакомления с творчеством Лермонтова во Франции.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

М.Ю.Лермонтов. Вид Тифлиса. 1837

В ДАННЫХ О ВЕЛИКОМ ПОЭТЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ ЧАСТО ВСТРЕЧАЛИСЬ СЛОВА – ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ, БЕНКЕНДОРФ. МЕНЬШЕ ГОВОРИЛОСЬ О СВОЕОБРАЗИИ ХАРАКТЕРА ПОЭТА, ЕЩЕ МЕНЬШЕ О НЕСЧАСТЛИВОЙ СУДЬБЕ ПОЭТА. МЫ ПРЕДЛАГАЕМ СВОЕ ТОЛКОВАНИЕ УКАЗАННЫХ ВОПРОСОВ. МОЖЕТ БЫТЬ, ОНО БОЛЕЕ ВЕРНО, ЧЕМ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ?

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

В 1837 году, когда погиб А.С. Пушкин, родился другой великий русский поэт. Стихотворение М.Ю.Лермонтова «На смерть поэта» свидетельствовало об общественной зрелости поэта, но одновременно М.Лермонтов был типичным сыном своего времени, ничто человеческое ему не было чуждо. Как известно, М. Лермонтов дрался на дуэли два раза с Э. де Барантом и Н.Мартыновым. Считается, что он являлся участником и других поединков.

Сосланного за стихотворение о гибели Пушкина, Лермонтова, благодаря хлопотам бабушки, вернули из Кавказской действующей армии сперва в Новгород, а затем в Петербург. Содействовал этому и граф Бенкендорф. Так закончилась первая ссылка.

Однако над Лермонтовым снова собрались тучи. Зимой 1839-1840 гг. он увлекся княгиней Щербатовой,

посвятил ей стихотворение «На светские цепи...» За ней ухаживал и сын французского посланника де Баранта. Он наговорил счастливому сопернику дерзости. Лермонтов возразил, что в России в вопросах чести не менее щепетильны, что он отдает себя в распоряжение Баранта. Состоялась дуэль, Лермонтов выстрелил в сторону. Противники помирились. Дуэль оставалась сперва без последствий, затем Лермонтова предали военному суду.

Баранты приложили старания, чтоб очернить Лермонтова (они хотели назначения сына секретарем посольства). Мать Баранта пожаловалась, что ее сына вызвали на гауптвахту и снова предложили драться, что поэт не стрелял в сторону. Шеф жандармов приказал Лермонтову извиниться за дачу ложных показаний, но Лермонтов служил под командованием великого князя и написал о своем положении, что его хотят заставить сказать неправду о выстреле. Видимо, письмо читал и Николай I. Поэтому Лермонтова на время оставили в покое. Согласно резолюции царя от 13 апреля 1840 года, поручик Лермонтов из гвардии был переведен в Тенгинский пехотный полк.

Вмешательство Барантов в судьбу Лермонтова прослеживается до декабря 1840 года, когда Лермонтов получил отпуск для свидания с бабушкой. Опасаясь нового столкновения, они стремились не допустить поэта в

Петербург. Хотя Бенкендорф определил местом свидания среднюю полосу России, но царь не поддержал его, Лермонтов провел в столице более двух месяцев.

В апреле 1841-го его срочно выслали обратно на Кавказ. Так он сделал шаг к гибели. Высылка не имела отношения к дуэли. Эмма Герштейн полагает, что дело было в неосторожном поведении Лермонтова на балу, когда он допустил «дерзости противу дам высших фамилий», ситуация, отраженная в драме «Маскарад».

Шеф жандармов прекрасно относился к бабушке поэта. Согласно ее просьбе он ходатайствовал об окончании ссылки Лермонтова за «крамольное стихотворение». Он же писал явную неправду о бабушке («80-летняя старушка хотела бы иметь единственного внука при себе, чтоб оказывать на него нравственное воздействие»). После дуэли с Барантом он уже отрицательно отзывался о Лермонтове.

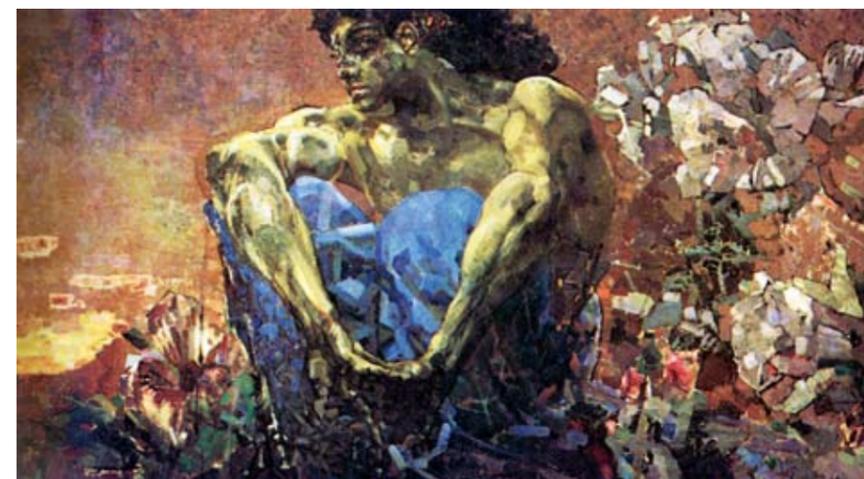
Причины указать трудно, но подобное отношение повлияло на судьбу поэта. Бенкендорф мог желать назначения Баранта-сына секретарем посольства, но царь с подозрением относился ко всему французскому, не желал видеть Баранта в Петербурге. Противиться воле царя Бенкендорф не мог, но на одного из виновников неудачи мог перенести свое неудовольствие. Во-вторых, к дамам царской фамилии русская аристократия всегда была почтительна. Только иностранцы (например, Дантес) могли позволить себе нечто непочтительное. А вот Лермонтов позволил себе на балу что-то такое, что Бенкендорфу могло не понравиться. Тем более, что Лермонтов к знати не относился, он был внук своей бабушки, именем которой он вошел в свет. В-третьих, царь впустил Лермонтова в Петербург, хотя для свидания с бабушкой шеф жандармов предлагал глубинку России. Это могло быть ударом по самолюбию Бенкендорфа. Раньше он поддерживал Лермонтова и всегда имел неприятели, он мог сменить милость на гнев.

Или держать его подальше?

В конце мая или начале июня 1840-го Лермонтов и Столыпин-Монго были уже на Кавказе. Лермонтову следовало догонять свой полк, но он остановился в

М.Ю.Лермонтов.
А.А.Столыпин (Монго). 1841

М.А.Врубель. Демон сидящий. 1890

Пятигорске. Сейчас установлено, как он добивался отпуска для лечения. Так он сделал еще один шаг к своей гибели. Он мог погибнуть и в действующей армии, но в Пятигорске произошла трагедия.

В Пятигорске жизнь протекала весело. Выздоровливающие и отпускники из армии, кто сумел укрыться в штабах, военная молодежь из столиц, просто отдыхающие, среди них «степные помещики» с семьями – все они составляли по Лермонтову «водяное общество», «ярмарку невест». Из знакомых поэта находились

Так Лермонтов снова оказался на Кавказе. Бенкендорф распорядился, чтоб поэта не допускали к сражениям, чтоб он личной храбростью не заслужил прощения. Царь, которому он тоже изрядно надоел, напротив, приказывал держать его на линии огня. Военная деятельность Лермонтова 1841 года известна, он дважды отличился в боях и дважды был представлен к наградам, но царь награждений не утвердил. Он высказал неудовольствие, что Лермонтова даже представляли. Поэтому высылку в действующую армию можно считать попыткой избавиться от беспокойного человека.

семья Верзилиных (мать и три дочери), Н.Мартынов – будущий убийца поэта, Лермонтов обрадовался, что Мартышка, его соученик по военной школе, находится в Пятигорске. Кроме них там находились А.Столыпин-Монго, С.Трубецкой, А.Васильчиков, М.Глебов, декабрист М.Назимов, сын шефа жандармов, юнкер Бенкендорф, кавалерист Раевский, известный дуэлянт Р.Дорохов, Л. Пушкин и другие.

В этом кружке военной молодежи Лермонтов занял главенствующее положение. Невысокую, коренастую фигуру поэта часто видели на улицах Пятигорска в со-

провожении приятелей. Шалости, не всегда безобидные, следовали одна за другой. Эти выходы могли иметь неблагоприятный исход, вызвать ссору.

Лермонтов в Пятигорске жил в доме Чилаева совместно с представителями высшей знати (Столыпин, кн. Васильчиков, кн. Трубецкой). Жили весело, сорили деньгами. Часто устраивались балы, танцевальные вечера, однажды даже танцевали в гроте Дианы. Лермонтов был душой всех увеселений. Еще чаще собирались в домах. В доме Верзилиных и произошла ссора, которая привела к трагедии.

Одновременно Лермонтов интенсивно писал. Для его окружения не было тайной раздвоенность поэта. Князь Васильчиков считал, что в Лермонтове было два человека: один добродушный для небольшого кружка своих друзей.

М.Ю.Лермонтов. Дарьяльское ущелье. 1837

рей указала поэту: «Язык мой – враг мой!» Лермонтов ответил, что завтра они снова будут друзьями. Этого не произошло, при выходе из залы Мартынов повторил фразу. Лермонтов ответил: «Что ж, на дуэль, что ли вызовешь меня за это?» Мартынов решительно ответил: «Да!»

По версии старшей дочери Верзилиной, у Лермонтова был альбом с карикатурами на Мартынова. Другая дочь рассказывает, что за ней одновременно ухаживали Лермонтов и Мартынов, она предпочла Мартынова. Лермонтов на столике нарисовал мартышку и ее, сказав, что это соединить невозможно. Она убежала в слезах. Мартынов видел эту сцену, хотя поэт стер рисунок, он заподозрил причину. Трубецкой отмечает и другие случаи. Однако сказанного достаточно: у Мартынова были обычные для того круга основания просить удовлетворения.

Отношение к ссоре было двойное. Друзья и окружение старались примирить соперников. Другие из «водяного общества», напротив, старались настроить на поединок. Есть сведения о том, как друзья старались примирить Лермонтова и Мартынова, как хотели удалить Лермонтова из Пятигорска, но что-то помешало. Какое-то роковое невезение!

Дуэль состоялась 15 июля 1841 года у подножия горы Машук. Место еще точно не установлено, хотя памятник давно поставлен. Дуэль состоялась с соблюдением правил (только врача не было): отметили 30 шагов, барьер на 10 шагах, раздали пистолеты. Лермонтов держал пистолет дулом вверх, заслонялся по правилам локтем. Мартынов тщательно целился, целился долго. Васильчиков пригрозил развести соперников. Мартынов выстрелил, Лермонтов упал. Он был убит.

Во время поединка над Пятигорском разразилась гроза. Первый удар грома и выстрел Мартынова прозвучали одновременно, опять роковое стечение обстоятельств. Следовало привезти врача, но в такой дождь никто не приехал. Столыпин и Глебов поехали за извозчиком, возле убитого остались Васильчиков и Трубецкой. Мартынов сказал, что идет сообщить коменданту о дуэли, но это сделал на другое утро Глебов. Только в 11 часов Лермонтова повезли на квартиру в Пятигорске. Смерть наделала много шума, дуэль здесь была делом неслыханным. Все растерялись, но комендант посадил всех участников под арест, бумаги убитого послал в III

отделение.

Духовенство не знало, как хоронить Лермонтова, не могло хоронить его по чину. Да и недруги старались не допустить захоронения по христианскому обряду. Но друзья уговорили одного священника похоронить убиенного как следовало. Однако тело в церковь не вносили, кроме официальных лиц, никого не допускали, панихид не было, при отпевании 17 июля вечером не провозглашали ни «успокоения раба», ни «вечной памяти». С другой стороны, гроб на руках несли представители всех тех полков, в которых служил поэт. За гробом шла многочисленная толпа жителей, много дам. Похоронили его в центре Пятигорского кладбища, где теперь церковь (т.е. на освященной земле). На могилу положили камень с надписью «Михаил». Через несколько месяцев бабушка получила высочайшее разрешение и перевезла гроб в имение Тарханы. Его предали могиле в специально построенной часовне, там похоронена и бабушка поэта, лежит и ветка Палестины, подаренная поэту А. Муравьевым.

О дуэли и смерти поэта существует большая литература. Обыденность ссоры и трагические последствия заставили многих подозревать более веские причины ссоры, а инцидент в доме Верзилиных считать поводом для начала расправы над неугодным человеком. Называется несколько версий случившегося: соперничество Лермонтова и Мартынова за одну из дочерей Верзилиной, обида Мартынова, увидевшего в Грушницком свои черты, изображение в лице княжны Мери или Веры своей сестры. Позже возникла версия пакета, будто бы вскрытого поэтом. Ни одна из них не принята литературоведением: к 1841 году взаимоотношения будущих дуэлянтов были нормальными.

Литературоведение не склоняется и к версии, что поэт стал жертвой заговора. В.Мануйлов, В.Вацура, С.Андреев-Кривич и другие изучили бумаги III отделения, переписку современников и многие источники. Собранные данные свидетельствуют, что отношение к Лермонтову в высших кругах являлось недоброжелательным, но специально его не убивали. Однако значение недоброжелательства нельзя недооценивать. Мартынов наверное, предполагал, что наказание за дуэль будет меньше полагаемого.

Так и случилось. Все участники оказались наказанными, но поражает мягкость наказания Мартынова. Когда дело прошло все инстанции, когда предлагались все более жесточайшие меры, Николай I написал, что Мартынова следует посадить на три месяца в Киевскую гауптвахту, а секунданта простить (первого за заслуги отца, второго за тяжелую рану). Смерть Лермонтова осталась безнаказанной, это стало преступлением против русской литературы.

Можно предполагать, что заговора против Лермонтова не было, хотя было почти единодушное нерасположение к нему высших кругов, даже недоброжелательство. В поведении Мартынова имеются штрихи, свидетельствующие, что недоброжелательство высших сфер где-то его поощряло. Однако Мартынов не был специально направляет против Лермонтова. Можно говорить о роковом стечении обстоятельств, о трагичности судьбы Лермонтова.

Изучая историю дуэли, литературоведение выяснило особенности характеров Мартынова и Лермонтова, поведение секунданта после дуэли. Глубинной причиной ожесточения Мартынова считают неуравновешенное психическое состояние, вызванное крахом военной карьеры (в феврале 1841 г. он вынужден был выйти в отставку). Это «обострило характерную для него ипохондрию, самовлюбленность, постоянную потребность ограниченного человека в самоутверждении, озлобление и зависть ко всем, в ком он видел соперников». Мартынов

мог завидовать Лермонтову: его попросили из армии, а Лермонтова держали там насильно. Он был офицером лучше Лермонтова, был знатнее поэта, но Лермонтов оказался баловнем судьбы: ему досталась богатство, о котором Мартынов не мог и мечтать. Лермонтов всегда верховодил среди молодежи, ему прощали многое, что не простили бы другому, да и стихи Мартынова были «хуже мишелевских». Рок свел в Пятигорске Лермонтова в расцвете успеха и таланта и Мартынова, только что пережившего крах военной карьеры. Понятны причины зависти Мартынова, тем более, что Лермонтов над ним постоянно зло подшучивал.

По многим обстоятельствам восстановить картину дуэли весьма трудно. Участники дуэли

Иллюстрации к произведениям М.Ю.Лермонтова

попали под следствие. Их задачей стало не воссоздание картины поединка, а стремление преуменьшить свою вину. Мартынову следовало доказать, что не он вызвал на поединок. От этого зависело многое – моральная ответственность падала на вызвавшего, вызванный выбирал оружие, имел право первого выстрела. Лермонтов был мертв, а секунданта стали выгораживать себя. Воссоздавалась картина «не как было», а как выгодно для своего оправдания. Тем самым секунданта выгораживали себя, часть вины Мартынова перекладывали на Лермонтова. Опять роковое стечение обстоятельств: секунданта выгораживали себя, но это означало предавать Лермонтова.

Следствие проводилось с нарушением правил: Васильчиков и Глебов в заключении сидели вместе, совместно писали объяснения, согласовывали свои показания с Мартыновым. Они не упоминали Столыпина-Монго и Трубецкого. Получалось всего два секунданта вместо четырех. Как считается, «отрабатывая показания, подследственные о многом умалчивали, существенно уклонялись от истины с целью уменьшить свою вину». Картина дуэли воссоздана не была. Лермонтов имел право «печально глядеть на свое поколение»: поэт оказался преданным даже близкими друзьями.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

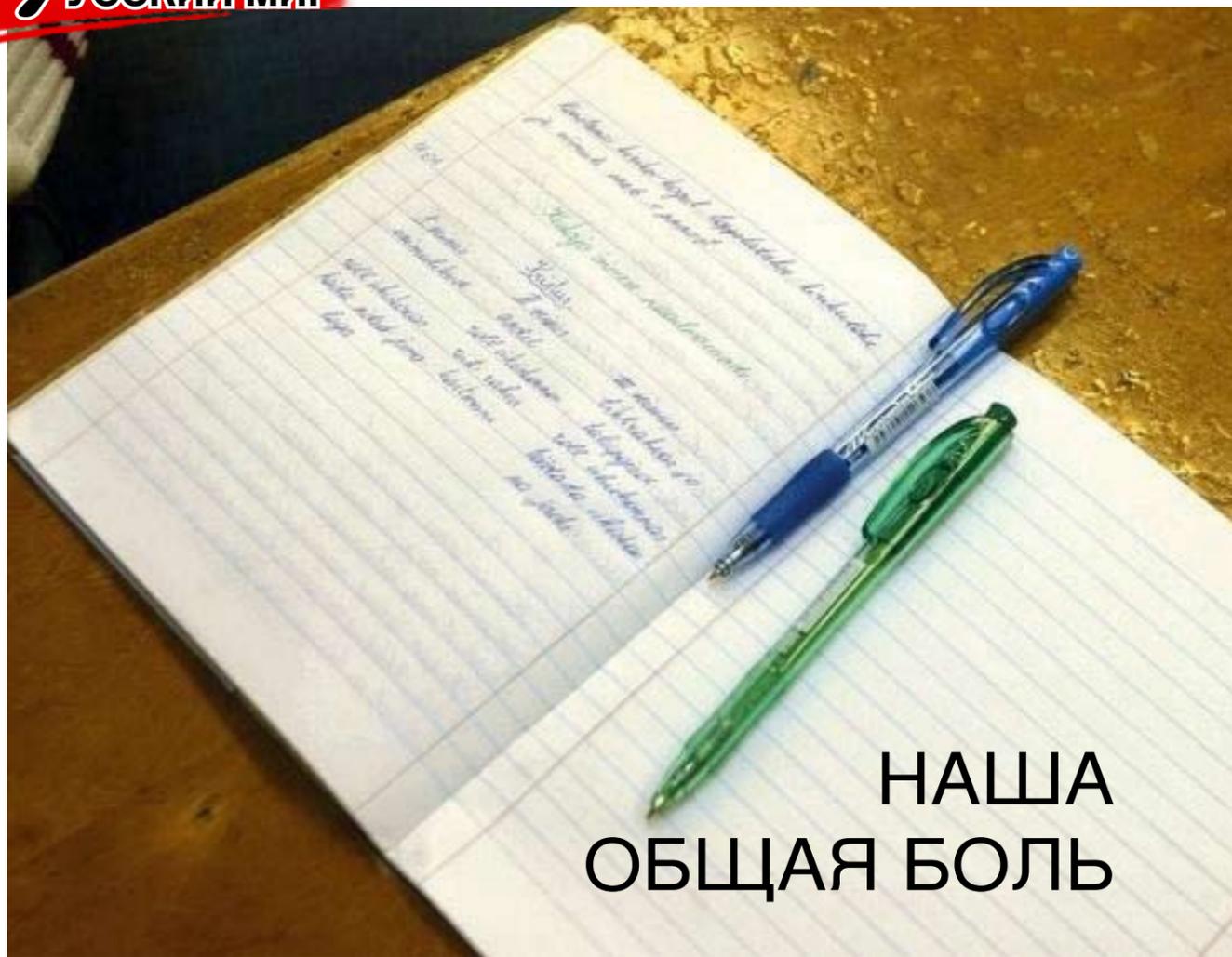

М.Ю.Лермонтов. Сцена из кавказской жизни. 1838

Другой – заносчивый и задиристый для всех остальных. Он сын своего времени, придавленного после 14 декабря, осознавал ничтожность молодежи и критиковал ее. Поэтому его не любили в гвардии, в свете. При дворе его считали вредным, неблагонадежным. Вот еще причины, способствующие гибели поэта.

Полностью ли известны причины, вызвавшие гибельную для Лермонтова дуэль? Основные звенья вопроса таковы: в доме Верзилиных танцевали, Лермонтов провальсировал со старшей дочерью Верзилиной, затем уселся рядом, и они, Лермонтов вместе с Л.Пушкиным, смеялись над присутствующими. Лермонтов начал привычно шутить над Мартыновым, даже сказал удачную остроту. Когда музыка прекратилась, одно слово Лермонтова услышали во всей зале.

Мартынов побледнел, отошел от младшей Верзилиной и весьма сдержанно сказал: «Сколько раз я просил вас оставить свои шутки при дамах!» Госпожа Шан-Ги-

НАША ОБЩАЯ БОЛЬ

И снова – о нашей общей боли, о положении русского языка в стране, которую русская культура с признательностью и любовью традиционно называла не иначе, как второй поэтической колыбелью многих известнейших поэтов и писателей России, начинавших свой творческий путь в Грузии и навсегда связавших с нею свою судьбу.

Русский язык, как известно, с давних времен был испытанным и незаменимым средством общения Грузии не только с Россией, но и с внешним миром. Не секрет, что Европа познакомилась с шедеврами грузинской культуры, литературы, прежде всего, благодаря многочисленным переводам на русский язык. В то же время, по оценкам виднейших деятелей грузинской культуры, именно русская культура, литература, язык внесли неоценимый вклад в формирование грузинской культуры последних столетий. Классик грузинской литературы, писатель, поэт, публицист, общественный деятель Илья Чавчавадзе, канонизированный в 1987 году Грузинской православной церковью как святой Илья праведный, отмечал: « Знать русский язык мы стремимся сами и очень сильно хотим этого – не только потому, что он необходим нам как язык государственности, но и потому еще, что русская литература настолько сильна, что в состоянии утолить духовную жажду просвещения человека. Каждый из нас воспитан на русской литературе, которая явилась фундаментом нашего мировоззрения, наших убеждений и общественной деятельности». Диа-

лог культур был общим ценным достоянием, и его авторитет казался незыблемым.

Понятно, что новые времена внесли свои коррективы в веками складывавшуюся традицию. Насколько сегодня эти коррективы отвечают задачам развития истинно демократических отношений внутри Грузии и по отношению к внешнему миру, можно судить, даже не вдаваясь в глубокий анализ.

Действующим законодательством Грузии, законодательными актами, регулирующими вопросы образования в целом, провозглашается, что государство «обеспечивает условия образования гражданам Грузии, для которых грузинский язык не является родным, путем создания общеобразовательных учреждений или секторов, где обучение ведется на их родном языке». Причем законом провозглашается принцип содействия сохранению негосударственных языков, недопущение ведения пропаганды неуважения к любому языку.

Все мы свидетели, как за последнее десятилетие в Грузии стремительно сокращалось количество русскоязычных школ. Если два года назад в нашей стране оставалось всего 38 русских школ (это примерно 9500 учащихся), а также 105 секторов с преподаванием на русском языке в грузинских школах (примерно 19800 учащихся), то сегодня, к сожалению, русских школ практически не осталось, а секторов с обучением на русском языке – не более 80-ти. Не приходится говорить, какой моральной трагедией для каждой русскоязычной семьи

оборачивается ограничение возможности, а порою и просто невозможность дать своим детям полноценные знания родного языка, культуры и истории. Так называемые негосударственные языки, т.е. языки проживающих в Грузии национальных меньшинств, как мы знаем, были переведены в категорию иностранных. К этой же категории был отнесен и русский, хотя, в отличие от многих языков национальных меньшинств, он играл и до сих пор играет (правда, уже только на бытовом уровне) важнейшую роль средства общения между людьми многих национальностей, проживающих в Грузии. Если с сохранением русского языка как родного для русскоговорящего населения нашей страны вырисовывается картина довольно красноречивая, кажется, не требующая комментариев, то едва ли можно игнорировать проблему изучения русского в ряду других иностранных языков (английского, немецкого, французского), введенных в программы школьного образования,

Уже не первый год русский язык в грузинских школах имеет статус иностранного и изучается с 3-го или 5-го (по выбору) класса по 12-й по 3 часа в неделю. Во многих школах в старших классах ему отведено только 2 академических часа в неделю. Любой непредвзятый специалист-языковед может подтвердить, что за 2-3 часа в неделю при отсутствии языковой среды сколько-нибудь качественного знания языка добиться просто невозможно. Тем более знания русского языка, отнесенного к категории грамматически сложных.

Грузинское образование сегодня находится в состоянии реформ. Педагогам-русистам в грузинских школах предоставлено право выбора альтернативных учебников. В результате – несовпадение программ в разных школах.

Не всегда прослеживается преемственность из класса в класс учебника одного и того же автора (авторы пока просто не успели подготовить учебники, охватывающие весь курс обучения русскому языку в школе).

Современной реформой образования предусмотрено еще одно новшество в отношении изучения русского как иностранного языка. Теперь школе предоставлено право выбора, какой из иностранных языков начинать изучать с 3-го класса по 7-й. С седьмого класса по двенадцатый предполагается изучение второго иностранного языка. Учитывая специфику сложных отношений между государствами-соседями, большинство школ с самого начала курса обучения отдадут предпочтение иностранному европейскому языку (английский, французский, немецкий). К седьмому классу дети, изучающие один из европейских языков, естественно, стремятся упрочить свои знания и продолжить изучение уже знакомого языка. Введение изучения русского языка в качестве второго иностранного в седьмом классе, по мнению специалистов возрастной психологии и по выводам самих педагогов-русистов, заранее обрекается на самое низкое качество результата.

Выпускники грузинской школы, получившие в аттестате положительные оценки по русскому языку, с трудом понимают русскую речь или вообще не владеют ею.

Кажется почти нереальным, что не так-то уж давно любой из граждан Грузии, окончивший даже сельскую школу, не испытывал дискомфорта при общении с выходцами из других республик. Надежным инструментом межнационального общения был русский язык.

Сегодня незнание или плохое знание русского языка сказывается и на качестве профессиональных кадров в высшей школе. Студенты грузинских вузов, не только гуманитарных факультетов, но и технических, вынуждены прибегать к платной услуге переводчиков, чтобы сдать сессию, т.к. по многим дисциплинам качественных учебников на грузинском языке пока нет. В результате, по мнению преподавателей высшей школы, в последнее

время существенно снизилось качество профессиональной и научной подготовки молодых кадров. Такое положение дел едва ли может способствовать интенсивному экономическому развитию страны в целом.

На примере нового поколения педагогов-русистов, выпускников грузинских вузов, в отдельных случаях можно видеть очень низкую грамотность и то, что лишь с большой натяжкой можно было бы назвать профессионализмом в полном смысле этого слова. Конечно, есть по-настоящему грамотные, одаренные и профессионально совершенствующиеся педагоги-русисты и среди молодых. Но, как правило, это те, кто во время учебы в школе и вузе прибегал к дополнительным занятиям по русскому языку с частными педагогами. Создается впечатление, что качественное обучение русскому языку в пределах страны с каждым годом становится все более дефицитным.

В то же время в связи с массовым сокращением русских школ более 70 процентов педагогов-русистов, выпускников грузинских вузов, вынуждены работать не по специальности. Сокращение количества русских школ и русских секторов сильно ударило и по преподавателям других предметов. Высоко подготовленные профессиональные кадры вынуждены были искать работу в других сферах или остались без работы.

Горько сознавать, но

жизнь показывает, что престиж русского языка в Грузии в последнее время заметно снизился, и его уровень гораздо ниже, чем во многих республиках постсоветского пространства.

Новые социальные условия диктуют и новые приоритеты. Если раньше русский язык в Грузии, помимо своей важнейшей роли языка межнационального общения, выполнял не менее важную культурологическую роль, сегодня ему чаще отводится функция «языка маркетинга», одного из так называемых «рыночных языков». Русская литература, которая во всем мире всегда ценилась как носитель высокой нравственности и неоспоримых духовных ценностей, в современном учебном процессе в Грузии представлена настолько скудно и фрагментарно,

что у изучающих русский язык по национальным учебникам едва ли может сформироваться зрелое представление о русской культуре и о народе, носителе этой культуры. Сегодня большинство молодежи, которая все-таки стремится овладеть русским языком, изучает его преимущественно с целью преуспеть в карьерном росте, в бизнесе. По данным социологического опроса, проводившегося в Грузии в 2008-м году, 70% опрошенных сказали, что улучшать знание русского языка им не нужно, поскольку у них нет потребности в употреблении русского языка на работе и в учебе. Главным образом этот язык им необходим при просмотре программ российского телевидения. По свидетельству Иаго Качакишвили, руководителя Института социальных исследований и анализа Грузии, 55% населения нашей страны считают, что свободно владеют русским языком. Правда, Качакишвили оговаривается, что «эти данные, скорее всего, субъективны и, вероятнее всего, опрошенные подразумевают, что русским они владеют лучше, чем другими иностранными». И только 22% из опрошенных пожелали улучшить знание русского языка, поскольку, по их оценке, это может им пригодиться в жизни. Большинство из них даже готовы заплатить за обучение, но не более 50-ти долларов в месяц. При этом, по словам социолога, «49% приветствовали бы улучшение преподавания русского языка в школах, но 45% опрошенных считают поддержку Россией русского языка в Грузии вмешательством во внутренние дела их государства». Вот такая безрадостная картина складывается при знакомстве с анализом общественного настроения по отношению к русскому языку. А если учесть, что этот анализ проводился незадолго до трагических августов-

центры и союзы российско-грузинских культурных взаимосвязей, Союз российских соотечественников в Грузии «Отчизна», объединяющий 26 городских и региональных русскоязычных организаций, и Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», который уже не первый год в самых трудных условиях проводит колоссальную работу по сохранению русской культуры и языка, пространства русского мира в Грузии.

Бесценна в этом общем деле роль Государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, постоянным благодарным зрителем которого стала не только русскоязычная аудитория, но и слабо владеющая русским языком молодежь из грузинских школ и вузов. Русский театр не ограничивается столичной сценой – несколько раз в год его выездные спектакли собирают полные залы зрителей в самых отдаленных регионах страны. Грузия не должна потерять Пушкина, Достоевского, Гоголя, Чехова, Толстого, Булгакова – достояние русской классики и современной культуры, чей вклад в копилку мировых культурных ценностей общепризнан. Такова принципиальная установка грибоедовцев. И мы глубоко благодарны своему театру, который самоотверженно (по-другому и не скажешь) работает в условиях не на один год затянувшегося капитального ремонта и скудного финансирования. В том, что русский театр жив, что со сцены его убедительно звучит русское слово (какие бы ни складывались сложные времена для этого слова) бесспорная заслуга директора театра и президента «Русского клуба» Николая Николаевича Свентицкого. Именно он явился инициатором и руководителем самых смелых массовых проектов, которые имели широкий резонанс не только в Грузии

и России, но и в пространстве всего русскоязычного зарубежья. Уже третий год силами «Русского клуба» на грузинской земле проводится Международный русско-грузинский поэтический фестиваль, собирающий известнейших представителей русского поэтического слова из многих стран мира. «Никто и ничто не в силах изменить наши человеческие и творческие отношения, завещанные нам великими предшественниками великой литературы». Эти слова президента «Русского клуба» вполне могли бы стать девизом международного поэтического фестиваля. Наглядным примером сохранения русского языка, утверждения интеллектуальной и духовной ценности русской культуры служат организованные «Русским клубом» юбилейные вечера, посвященные творчеству Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Николая Гумилева, Владимира Маяковского... Причем все эти акции сопровождаются изданием высокохудожественных юбилейных буклетов и выпуском CD и DV компакт-дисков.

Нынешний, юбилейный год Александра Сергеевича Пушкина и Николая Васильевича Гоголя был достойно отмечен МКПС «Русский клуб» - вышел альбом «Дом Смирновых - в дар Грузии». Русскоязычные организации Грузии провели в школах поэтические вечера, литературные чтения, конкурсы и салоны, открытые уроки. К памятникам Пушкину в Тбилиси и Батуми в день рождения поэта были возложены цветы, читались на русском и грузинском языке стихи, посвященные великому русскому поэту. К сожалению,

почитатели гоголевского гения были лишены возможности принести цветы к памятнику великому писателю – чьей-то абсурдной волей Николаю Васильевичу снят с постаменты, а на его месте красуется сегодня памятник Собчаку. Вот уж поистине «горьким смехом своим посмеюся!» И все-таки цветы были! Их несли благодарные зрители на спектакль «Похождения Чичикова», который по инициативе и приглашению «Русского клуба» привез из Америки блистательный актер и режиссер, народный артист Грузии Борис Казинец, патриарх и любимец театрального Тбилиси, прослуживший на сцене театра имени Грибоедова четверть века, а сегодня возглавляющий Театр русской классики в Вашингтоне.

Говоря о состоянии русского языка в Грузии, невозможно не отметить активную деятельность русскоязычного литературного мира. Сегодня в республике несколько крупных союзов и объединений авторов, пишущих на русском языке. Наиболее значительные из них – Международная федерация русскоязычных писателей в Грузии, Союз русскоязычных писателей «Арион», Ассоциация русскоязычных журналистов Грузии, Молодежное объединение тбилисских поэтов «МОЛОТ. ОК», Ассоциация русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник». Как правило, все эти объединения никем не финансируются, не поддерживаются, издают на скудные средства и поэтому тираж и качество полиграфического исполнения сборников и альманахов русскоязычных авторов чаще всего оставляют желать лучшего. На этом фоне заметным, ярким явлением в интеллектуальной жизни Грузии стал журнал «Русский клуб», издаваемый Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб». В этом году журнал отмечает свой пятилетний юбилей. Весомым подарком к юбилею явилась поддержка Международного фонда «Русский мир», профинансировавшего годовое издание журнала. Более или менее регулярно выходит к читателю литературный альманах «На холмах Грузии», издаваемый при поддержке Союза российских соотечественников в Грузии «Отчизна» на средства, выделяющиеся Россией в поддержку своих соотечественников за рубежом. Сейчас, как с горечью отмечает президент «Отчизны» В.К.Сварчук, средства в поддержку русскоязычной печати почти не выделяются и это заставило уже отказаться от издания двух газет для русскоязычного населения Грузии, а выход каждого номера альманаха постоянно сопряжен с финансовыми трудностями.

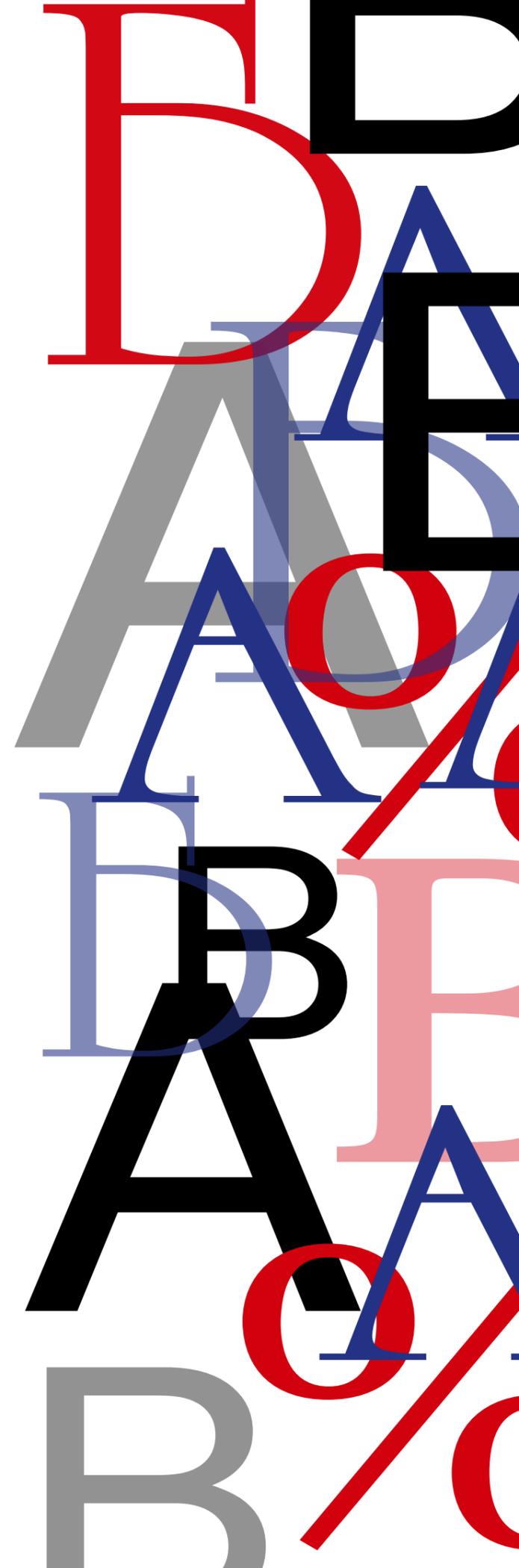
Вообще тема поддержки русского языка, его состояния в Грузии – одна из самых острых и болезненных тем. По свидетельству президента «Отчизны», в последние годы ни один из чиновников государственных структур не удостоил своим присутствием ни ежегодно проводимые в республике олимпиады по русскому языку, ни другие широкомасштабные мероприятия. Если полное отсутствие внимания представителей грузинской государственной власти к проблемам своих русскоязычных граждан еще как-то можно объяснить, то сведение до минимума помощи и поддержки российским соотечественникам со стороны России трудно укладывается в сознании. Сложно понять тем более, что так широко и громко декларируется необходимость повышенного внимания к сохранению русского языка и культуры в странах российского зарубежья. Мы верим в доброжелательное отношение России к народу Грузии, свято верим в то, что России небезразлична судьба ее языка и культуры на земле, гостеприимно встречавшей не одно поколение деятелей русской культуры. Сегодня нам трудно, хотя мы и делаем достаточно много!

Виктория ПОПОВА

ских событий, которые сопровождались и разрушительной информационной войной, то можно не удивляться той роли, которая сегодня официально отводится языку Пушкина в жизни нашего общества.

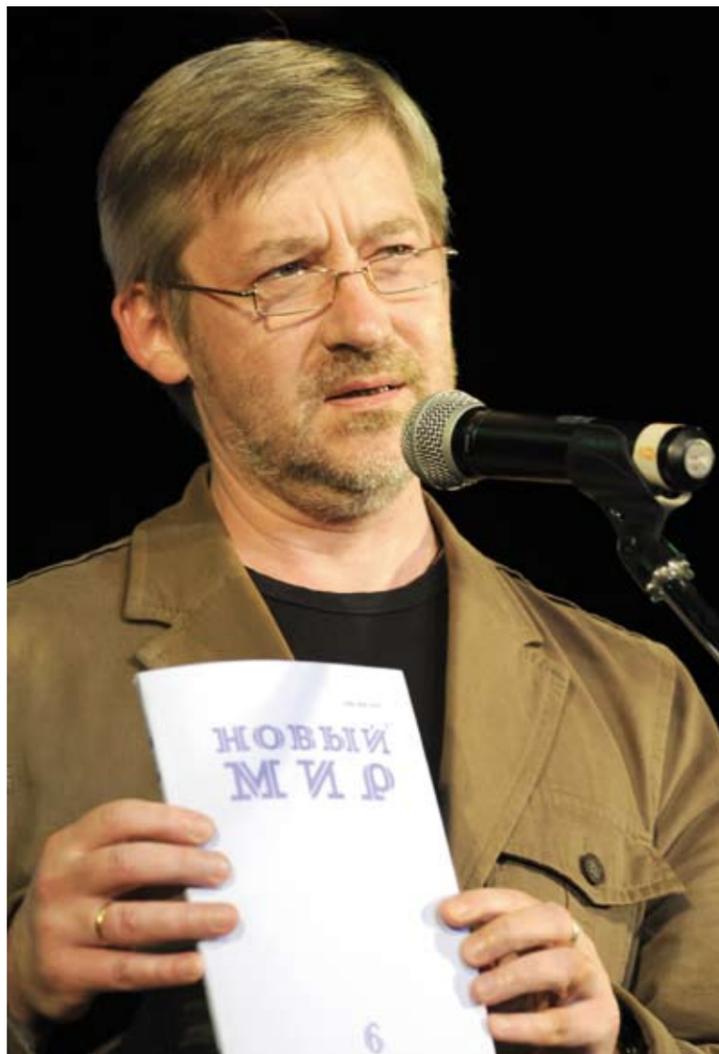
Конечно же, русский язык, как бы ни было сложно его положение, продолжает жить в Грузии. Но основную миссию по его сохранению, основную заботу, можно сказать без преувеличения, взяли на себя неправительственные организации российских соотечественников,

«НОВЫЙ МИР» КАК НОВЫЙ МИР

ВАСИЛЕВСКИЙ АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР».

РОДИЛСЯ В 1955 ГОДУ В МОСКВЕ. ОКОНЧИЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО В 1985 ГОДУ. С 1977 ГОДА РАБОТАЕТ В ЖУРНАЛЕ «НОВЫЙ МИР», С 1990 ГОДА - ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЖУРНАЛА, С МАРТА 1998 ГОДА - ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР. С 1976 ГОДА ПОСТОЯННО ВЫСТУПАЕТ НА СТРАНИЦАХ САМЫХ РАЗНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ СО СТАТЬЯМИ, РЕЦЕНЗИЯМИ И ЗАМЕТКАМИ О ЛИТЕРАТУРНЫХ НОВИНКАХ, ЛИТЕРАТУРНОЙ СИТУАЦИИ В ЦЕЛОМ. С 2002 ГОДА ВЕДЕТ СЕМИНАР ПОЭЗИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ. АВТОР МНОГОЧИСЛЕННЫХ ФОТОПОРТРЕТОВ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Андрей Василевский

- Многие деятели литературы признаются в том, что значение литературы, да и культуры в целом, ослабевает во времена политического неблагополучия...

- Масштаб нынешнего политического неблагополучия очень по-разному выглядит из Грузии и из России. Как я понимаю, для Грузии – это потрясение огромного масштаба. Для России, у которой, начиная с 1991 года, так много перманентных проблем, и внутренних, и внешнеполитических, это – одна из проблем, серьезная, но одна из ряда многих. Так что, политика политикой, искусство искусством, культура культурой.

- Но какова же роль этой культуры сегодня?

- Я не стал бы преувеличивать роль культуры, ее возможности.

- Но недооценить тоже не хочется.

- Да, пожалуй. Я думаю, что отношения стран и народов нельзя сравнивать с отношениями людей. Там и тут действуют абсолютно разные закономерности, и та этическая основа, которая может существовать в отношениях конкретных людей, не применима к политике, к отношениям государств. В отношениях между государствами действуют гораздо более жестокие и циничные закономерности. Поэтому дружить должны люди.

- А остальное приложится?

- Или не приложится.

- Каково значение фестивалей, подобных нынешнему?

- Это очень важно как этап терпеливого налаживания отношений между людьми, завязывания множества ниточек между российскими и грузинскими писателями. Фестиваль, к сожалению, вряд ли что-то сможет изменить на политическом уровне...

- Ну что ж, вы как главный редактор «главного журнала», каким его сделал Вячеслав Полонский еще в 20-е годы, обязаны быть абсолютным реалистом. Как поживает сегодня главный журнал?

- «Главный» – наверное, это уже неточное слово, потому что весь литературный пейзаж и пейзаж СМИ очень изменился за последние десятилетия. Одно дело – советские годы. Журнал был создан в 1925 году и очень быстро, буквально за пять-шесть лет стал действительно центральным, главным журналом страны, как бы осевой линией. И оставался таким журналом до 90-х годов. Потом ситуация начала меняться. Тиражи толстых литературных журналов и вообще всей прессы, всей периодики, не только литературной, упали. Упали во много раз. По сегодняшний день постепенно сокращаются книжные тиражи. Рост книжного рынка производил впечатление бума еще совсем недавно – казалось, что рынок растет, набухает, но это происходило за счет роста цен и роста количества названий выпущенных книг. А тиражи книг уменьшались. Высшую точку тиражей литературных журналов в России можно датировать абсолютно точно, это был 90-й год – последний год Советского Союза, конец перестройки, год, когда все журналы печатали Солженицына, год, когда тиражи достигли каких-то невероятных и, в общем-то, ненужных высот. Ну не может быть у литературного журнала миллионного тиража! Это противоестественно.

- Но это было!

- Было. Была такая историческая минута, которая не повторится уже никогда. Кроме того, толстые журналы выполняли в эти годы несвойственные им функции – во-первых, печатали запрещенные ранее книги, например, «Доктор Живаго», или «Архипелаг ГУЛАГ», или «Котлован»... На самом деле это дело не литературных журналов, которые должны печатать новинки, а издательств. Кроме того, толстые журналы играли роль средств массовой информации – в буквальном смысле слова «массовые», то есть публика читала эти журналы, как газеты, ожидала нового номера, как каких-то новостей.

- Но это не было однодневкой, как газета.

- Как сказать... Вот в самом конце 80-х в одном номере «Нового мира» были напечатаны и повесть Платонова «Котлован», и статья экономиста Шмелева «Авансы и долги». Этот номер пользовался бешеной популярностью из-за статьи экономиста Шмелева, потому что в этой статье на тот момент было сказано что-то совершенно революционное относительно экономики. Более того, я даже думаю, что те, кто читали одновременно и Шмелева, и Платонова в этом номере, Платонова читали неправильно, через призму злобы дня. В общем, это была странная ситуация, которой, конечно, уже не будет, и где-то с 91-го года началось закономерное снижение тиража.

- На сегодняшний день функции журнала нормаль-

ные, естественные? И каковы они?

- Тиражи журналов этого формата такого порядка: «Новый мир» - 6 тысяч, «Знамя» - 4 тысячи, «Дружба народов» - 3 тысячи...

- Но для всей России это немыслимо мало!

- Ну, и можно ли говорить, какой журнал главный, когда все в одной лодке оказались? Однако, могли бы эти тиражи быть выше? Да, я считаю, что могли бы. Никто не знает, сколько точно в России библиотек, но Министерство культуры называет цифру порядка 130 тысяч. Представим себе, что хотя бы каждая десятая библиотека выписала один комплект одного журнала – это уже 13 тысяч. Такого тиража нет ни у одного из журналов. Это значит, что на огромных просторах России масса районов, городов, где в библиотеках нет ни одного свежего номера ни одного литературного журнала. Министерство культуры ничего не может библиотекам предписать – какие книги им покупать и какие им выписывать газеты и журналы. Это решается на местах. Я понимаю, что когда денег мало, а вкусы у посетителей библиотек очень разные, и все удовлетворить невозможно, то делается выбор не в пользу серьезных журналов, потому что они не являются развлечением, это серьезное, иногда трудное чтение.

- Я понимаю, что не дело главного редактора быть фантазером, но как вы представляете себе идеальный для вас журнал «Новый мир»?

- Я считаю, что тираж «Нового мира» вполне мог бы

С Игорем Эбаноидзе в дни фестиваля

быть тысяч 20. Он должен выходить на более хорошей бумаге. Я не думаю, что журнал должен менять свой внешний вид, потому что мы никогда не меняем нашу строгую аскетичную голубую обложку, у нас нет фотографий, картинок. Каким был «Новый мир», начиная, по крайней мере, с послевоенных сороковых, каким он сложился, таким мы стараемся его сохранить. Это не просто какой-то консерватизм. Это еще и честная бедность, потому что мы стараемся любой ценой снизить себестоимость журнала.

- А каким должен быть идеальный читатель «Нового мира»?

Работа над новыми переводами (Наталья Литвинова и Заза Абзианидзе)

- Мы работаем для читателя, который, в нашем представлении, взрослый, зрелый, сложившийся человек. Непременное требование – образованный, со своими представлениями о том, что хорошо, что плохо в жизни и что хорошо, что плохо в литературе. Это читатель, которого не надо агитировать, который не ждет, что его будут учить, который сам способен осуществлять свой культурный выбор и который выбирает журнал «Новый мир» осознанно. В одной из российских региональных библиотек, куда я как-то ездил на встречу, библиотекаря мне сказала: «Вот раньше, в советское время, когда мы читали «Новый мир», нам могло что-то не нравиться, мы могли с чем-то не соглашаться, но мы понимали от начала до конца любой текст. А сейчас мы не понимаем – что это, о чем это?» Утешить мне ее было нечем, но я понял, что журнал эволюционировал и переориентировался на подготовленного читателя, которого не надо подтягивать. Который понимает любой текст.

- Но, однако, в одном из ваших интервью я прочитала слова о том, что «Новый мир» - это мейнстрим. А ведь мейнстрим – это не эксклюзив.

- Дело в том, что сегодня серьезная литература, которая печатается в толстых журналах, сама превратилась в одну из субкультур. Нет единой литературы. Она вся распалась на множество литератур. И если говорить о субкультуре литературы толстого журнала, то «Новый мир» действительно является мейнстримом, то есть основным течением. По одну сторону от этого основного течения, например, – либеральный журнал «Знамя», по другую – православная «Москва».

- Вы начинали вашу работу в журнале с небольших должностей, заменяли ушедших в отпуск сотрудников... То есть прошли полный карьерный путь. С другой сто-

роны, вы окончили Литинститут, семинар Евгения Винокурова. Какова роль образования и какова роль опыта работы для литературного деятеля?

- У меня сложное отношение к Литинституту. Поскольку я сейчас сам преподаю, то из соображений корпоративной этики я не буду ничего говорить о нынешнем состоянии Литинститута. А в середине 70-х, когда я учился, учеба была очень важной, нужной и интересной. Винокуров нам очень много дал – прежде всего тем, что он очень расширял наши культурные горизонты за счет того, что официально не печаталось. Тут речь не о какой-то крамоле антисоветской, Винокуров как раз был очень взвешенный человек, но прежде всего о поэзии, например, начала века или эмигрантской. А в 98-ом году я стал главным редактором в основном потому, что на тот момент я был человеком, который понимает, как эта машина работает. К этому времени должность главного редактора не только в «Новом мире», но и в других журналах, перестала быть должностью, которую можно просто занимать. Она превратилась в работу, которую надо работать. Тогда, после Сергея Залыгина, редакция обращалась к некоторым известным писателям со знаковыми фамилиями с предложениями о главном редакторстве, и эти уважаемые люди разными словами отвечали примерно одно и тоже: «Я, конечно, соглашусь, но работать не буду». Причин у всех было много – не молодой человек, хочет написать то-то, должен съездить туда-то... Поэтому главным редактором стал человек, который знает, как это работает и который готов работать. Но сегодня для меня проявилась и другая сторона этого дела, которую я вижу, оглядываясь на свою жизнь. Работать всю жизнь в одном месте – это неправильно. Не так надо жить. Человек должен

изменить свою жизнь несколько раз – работу, среду. Должны происходить существенные перемены. К сожалению, у меня уже нет возможности соскочить с этой линии моей жизни и начать что-то заново, в совершенно другой сфере...

- Как вы оцениваете нынешнее состояние поэзии? Кто-то называет это упадком, кто-то – расцветом...

- Как минимум, состояние современной поэзии гораздо лучше, чем прозы. Я имею в виду большой прозы. Сейчас в русской литературе в очень хорошей форме находятся поэты и рассказчики. В России – если говорить о коммерческом успехе – писателю легче всего продать роман. Тем, кто пишет рассказы или небольшие повести, которые невозможно издать отдельной книжкой, на особые деньги рассчитывать нечего, они и не рассчитывают. Рассказчики во многом психологически работают, как поэты – не в надежде что-то получить за написанное, а из любви к искусству. Поэтому поэзия и короткая проза – в лучшем состоянии. К сожалению, большие романы, особенно те, что я вижу в рукописях, даже у достаточно крупных писателей, – это полуфабрикат. Ощущение такое, что все делается тяп-ляп и бросается на полдороге. Я это объясняю двумя причинами: во-первых, тем, что романы коммерчески востребованы, а во-вторых, тем, что роман требует для хорошего написания очень много свободного времени, когда голова у писателя свободна от всяких забот. Этого времени у многих писателей нет. А вот такого расцвета поэзии, который мы наблюдаем с конца девяностых и по нынешнее время, наверное, в России и не было. Если в будущем кто-то вообще будет интересоваться русской поэзией и поэзией вообще, что совсем не очевидно, то когда пройдет какое-то время и отсеется все лишнее, будущие читатели смогут сказать, что это было фантастическое время по разнообразию талантов. Другой вопрос, почему у некоторых возникает ощущение неудовлетворенности от современной поэзии? Потому, что нет главного национального поэта. Даже кандидатов нет. Видимо, нет общественного запроса на национального поэта. Поэтому и не надо, и бессмысленно говорить о том, кто первый, кто второй в поэзии... Этого места нет, нет этой функции. У меня ощущение, что ни писательское, ни читательское сообщества не заинтересованы в том, чтобы был главный поэт, фигура номер один. Если вдруг этот запрос появится, то и эта фигура появится – не из пустоты, не из полей придет, а кто-то из уже известных поэтов будет осознан как национальный поэт. Изменится оптика.

- А какими текстами вы восхищались за последнее время?

- Восхищаться – не совсем то слово. В общем, мне как читателю очень интересно читать современную русскую поэзию. Мне запомнились стихи Тимура Кибирова, напечатанные в этом году в журнале «Знамя», и некоторые стихи последних лет гораздо менее известного автора, которую зовут Линор Горалик.

- Какая работа вас ждет на вашем письменном столе по возвращении в Москву?

- Каждый мой будничным день начинается одинаково – я завтракаю и сажусь за компьютер, начинаю читать газеты, журналы, новости, работать с электронной почтой, куда мне приходит масса писем... Это постоянная часть моей работы и жизни. Причем я и не помню, когда в последний раз держал в руках бумажную газету. Когда мне попадает в руки издание газеты, я всегда думаю, как это неудобно, какая она большая, с ней нечего делать... Я все читаю в интернете. У нас так сложилось в «Новом мире», что мы делаем не последовательно номер за номером от начала до конца, а одновременно несколько номеров, которые находятся на разных стадиях работы – один номер пошел в печать, другой верс-

тается, для следующего отбираются рукописи... А планы идут еще дальше.

- На какие последние публикации «Нового мира» нам обратить особое внимание?

- Перевод «Мерани», который сделал Максим Амелин, – интересный, нетривиальный перевод, и его небольшая статья, в которой он обосновывает принципы этого нового перевода. В прозе – рассказы писателя

Храм. Нокалакеви

Олега Ермакова на материале афганской войны из книжки «Арифметика войны». За последние несколько лет у нас образовались связи с Украиной, и «Новый мир» начал печатать довольно много авторов с Украины – и тех, кто пишет по-русски – Борис Херсонский, Александр Кабанов, и переводы с украинского языка, в основном, молодых украинских писателей – Сергей Жадан, Таня Малаярчук...

- Вы впервые приехали в Грузию?

- Да. То, что я не бывал в Грузии раньше – это случайность. В советское время я не очень много ездил... Да и потом как-то не складывалось. Ну, так получилось. Хотя в последние годы мои коллеги, друзья и авторы много ездили, и у российских и грузинских литераторов сложились нормальные, стабильные отношения. Ну вот, теперь и я в их числе.

- Мы от всего сердца надеемся, что это первая, но не последняя встреча.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

УСЛЫШАТЬ СЕБЯ

ГЕОРГИ БОРИСОВ РОДИЛСЯ 17 ИЮЛЯ 1950 ГОДА В СОФИИ. АВТОР ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГ «В ПОЛДЕНЬ, ГДЕ ТО В НАЧАЛЕ», «ОСТАВЬТЕ ЧЕЛОВЕКА», «ВОРОТА», «КАРФАГЕН», «РОВНО В ТРИ». ПЕРЕВОДИТ РУССКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ. ЕГО СТИХИ ВКЛЮЧЕНЫ В АНТОЛОГИИ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ В США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, РОССИИ. ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМ.ВЛАДИМИРА БАШЕВА ЗА ЛУЧШИЙ ПЕРВЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК, НАЦИОНАЛЬНОЙ НАГРАДЫ ИМ.ИВАНА НИКОЛОВА ЗА ЛУЧШУЮ ПОЭТИЧЕСКУЮ КНИГУ. О СЕБЕ, АРИСТОФАНЕ И БРОДСКОМ ГЕОРГИ БОРИСОВ РАССКАЗАЛ ЖУРНАЛИСТУ «РК», БУДУЧИ УЧАСТНИКОМ III МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ.

- Что вам кажется самым ценным в формате поэтического фестиваля?

- Большой плюс вашего фестиваля в общении. В том, чтоб люди могли познакомиться друг с другом. Ведь образ врага создается на расстоянии. А когда ты приезжаешь в такое место, как здесь, убеждаешься, что это не враги, а друзья.

- Вы закончили легендарный Литературный институт им.А.М.Горького. Почему решили туда поступать?

- Я ничего не решал. До этого я учился в Софии, а потом меня отправили в Москву, где готовили для того, чтобы я стал проводником советской идеологии в Болгарии. Которым я, естественно, не стал. Самое главное, чему меня научил Литинститут - общение с поэтами. Там, например, я впервые прочитал Мандельштама, неизданного, переписанного. Прочитал «Письмо вождям» Солженицына, из-за чего у меня были неприятности.

- Сегодня вы главный редактор литературного журнала «Факел». Каковы ваши приоритеты при выборе публикаций?

- Должен отметить, что журнал стоит выше пристрастий. Он непредвзятый, не поддерживающий никого. Наш главный критерий - качество. Это, если угодно, синтез самого лучшего. Каждый номер журнала посвящен определенной теме. «Факел» - самый популярный толстый литературный журнал, с ежемесячным тиражом 1500 экземпляров. Он ценен своей систематизированностью. Ведь тему определяет то или иное литературное произведение. Затем по этой теме мы собираем произведения со всего мира. Один из последних номеров, к примеру, был посвящен роману Виктора Астафьева

«Прокляты и убиты». И мы собрали произведения, посвященные теме гармонии.

- Как живется русской литературе в Болгарии?

- Дело в том, что мы смогли доказать свою независимость. Поэтому, сейчас очень трудно распространять русскую культуру у нас. Но это закономерно. Если исходить из всего, что сейчас происходит в литературном пространстве России, мы отбираем только хорошую литературу, работаем на качество. Я тридцать лет издаю журнал «Факел», но ни разу не обслуживал никого. Даже ссорился с друзьями. Для меня главный критерий - хорошая литература. А ее уровень я определяю душой, только душой. И если исходить из этого, то мы стараемся дать читателю только самое лучшее, из того, что издается в России.

- И все-таки, интерес к русской литературе есть. Иначе вы бы не стали издавать новую серию?

- В 2005 году начала выходить библиотечная книжная серия «Новая проза». Первым романом, который я опубликовал, стал «Остров Крым» Василия Аксенова. За ним последовали Довлатов, Бродский. Книги из этой серии - это новая непрочитанная проза.

- Вы первый переводчик Бродского в Болгарии. Что вы открыли в себе, читая его?

мне нравится метафизичность, которую нужно преодолеть. В этой его сложности есть ясность. Но она есть для тех, кто хочет и может ее понять. Бродский может кому-то показаться очень вымышленным поэтом, но он гений. Мы еще не доросли до него.

- Не возникало идеи посвятить ему номер журнала?

- Да, он выйдет в свет уже скоро. Я начал делать номер в связи со смертью Льва Лосева - друга и исследователя Бродского. И вдруг... Бродский настолько сильная личность, что он закрутил весь номер вокруг себя. В этот номер войдут стихи Янниса Кавафиса, посвященные Бродскому, стихи его друзей о нем. Бродский писал о Лосеве. Лосев писал о Бродском. Американец Макс Странт писал о Бродском. Это будет прекрасный номер. Примечательно, что в Болгарии нет денег для перевода и печатания поэзии. Но мои сотрудники говорят - мы не хотим денег, мы хотим переводить.

- Что вам дает работа в театре?

- Я там отдыхаю. Народный театр им.Ивана Вазова, где я работаю заведующим литературной частью - самый старый в Болгарии, в этом году ему исполняется 105 лет. Там работали великие режиссеры. Я добиваюсь того, чтобы произведения классиков ставились «в чистом виде», без режиссерских измышлений. Если мы ставим Шекспира - чтобы это был Шекспир. Я за чистоту искусства в национальном театре. Во всем мире режиссеры любят переиначивать классику и выставлять таким образом себя. Я же хочу показать автора в том виде, в каком он написал свое произведение.

- Что у вас сейчас идет из русской классики?

- «Вишневый сад». Из английской - «Король Лир».

Я считаю, что каждый современный театр держится на трех китах - Древней Греции, Шекспире и Чехове. Я ставлю «Птиц» Аристофана. Французский сценарист Жан Клек-Карьер, работавший с легендарным Питером Бруксом, и для него переложивший старинный иранский текст «Летающие птицы», поможет нам в постановке. Я изумился, когда прочитал Аристофана - все повторяется в буквальном смысле, настолько близки тысячелетия.

- Почему так происходит, как вы думаете?

- Так происходит потому, что человек не меняется. А еще мы будем ставить новую, очень скандальную пьесу ставшего классиком Эдуарда Олби - «Коза».

- Вы автор очень популярных в Болгарии песен. О чем они?

- Песни о море. Это болгарские хиты, за которые я получил «Золотой диск». Дело было так. Один из своих сборников я подарил известному болгарскому композитору Стефану Димитрову. Он в это время строил дачу, и однажды красил бассейн голубой краской. Была дикая жара. Поэтому время от времени Стефан бросался к своему роюлю, и в результате написал под впечатлением жары и голубого бассейна песню на мои стихи. Всего на мои стихи написано двадцать песен. Я очень популярен в Болгарии.

- Что дает вам популярность?

- Ничего, кроме того, что я могу дешевле покупать бумагу для журнала.

- О чем вы обычно пишете?

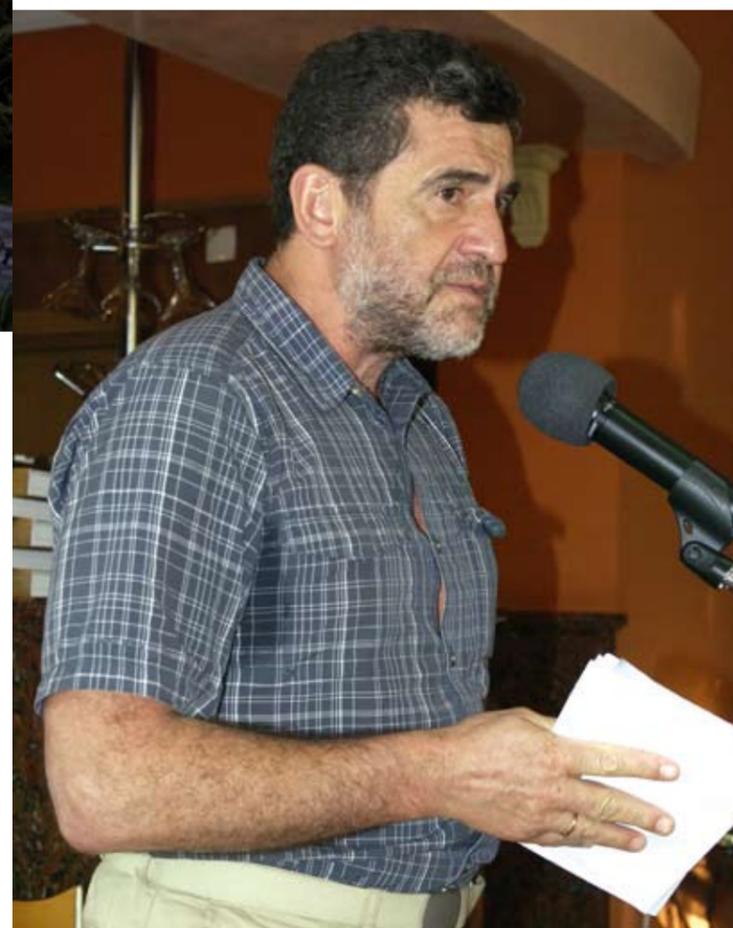
- О любви и смерти.

- Потому что они неразрывны?

- Да.

- Для чего вы пишете?

- Единственный мой критерий - мои жена и ребенок. Это то, что заставляет двигаться дальше. Я благодарен директору нашего театра. Когда он пригласил меня работать завлитом, я сказал, что ничего не понимаю в театре. На что он ответил: «Я хочу только, чтобы ты услышал себя». И я понял, как это важно - услышать себя.

Георги Борисов

- Это очень сложный вопрос. Могу сказать, что Бродский повлиял на мое творчество. Я нашел в нем сложность, и она меня привлекла. Впервые я перевел цикл «Конец века» - трехстишья, очень трудные для перевода. Впоследствии, благодаря Бродскому написал свою первую поэму. Она была о живом Боге. В Бродском

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

УМЕТЬ ВИДЕТЬ ПРЕКРАСНОЕ

Аджария. Батуми. Февраль. За окном дождь. Зеленые пальмы. Наша субтропическая зима. Я пролистала сборник стихов и дневник поэтического фестиваля в Тбилиси - Кутаиси-Батуми-Сигнахи. 2008 год. Захотелось в лето.

Звонок из Тбилиси Николая Свентицкого. Коротко объясняет мне, какая возникла перспектива для музеев Аджарии и о проекте института Швеции для нас. «Срочно свяжись с Риммой Марковой в Стокгольме», - заканчивает разговор Николай Николаевич.

Римма Маркова, поэт, переводчик, педагог и замечательная женщина. Я ее запомнила с первого Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, торжественное открытие которого состоялось в июне 2007 года в Батуми, столице Автономной Республики Аджария. В этом году она была участницей уже третьего фестиваля, который проходил в июне в Гурии. И, как многие ее коллеги в разных уголках света, будет долго вспоминать ласковое солнце, окрашивающее кожу в золотистые тона, красоту и гостеприимство грузинской земли, и праздник поэзии, который гости увезли с собой.

Организатор и душа ежегодного этого замечательного действия, конечно, Николай Свентицкий, президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», директор театра им.А.С.Грибоедова. А самое главное, этот талантливый человек хочет одарить культурой театра, музыки, поэзии всех, и большого, и малого.

Началась переписка со Стокгольмом. Вместе с руководителем отдела культуры мэрии города Батуми Натией Сургуладзе, высококвалифицированным профессионалом, мы подготовили и отправили в Швецию

подробные данные о наших музеях, историческая ценность которых неоспорима.

И вот, 23 августа. Лето на исходе. Наш самолет начал плавное снижение. Пассажиры вглядываются в интригующий ландшафт. Множество зеленых, почти соприкасающихся друг с другом островов, домики, чаще у воды, ленты дорог, леса. Пейзаж завораживающий.

Одним словом, наша делегация из Батуми, в составе шести человек, приземлилась в аэропорту столицы Швеции.

Стокгольм - город тысячи островов, куда всеми видами транспорта стекаются миллионы туристов. Цель нашей поездки - ознакомление с работой местных музеев, которых в Стокгольме 74!

В Стокгольме нас встретил Ханс Оймюр, руководитель Департамента по связям с общественностью Городского музея. Мы разместились в гостинице «Рика», построенной в 1650 году. Это очаровательный отель в историческом центре Стокгольма, недалеко от Королевского дворца, кафедрального собора «Сторкирхан», рыцарского дома и здания Парламента. Историческое ядро Стокгольма расположено на острове Стадсхольмен. Семь мостов соединяют сегодня историю и современность.

В торжественной обстановке мы начали семинар по обучению в стокгольмских музеях.

Инициатором идеи проекта является Римма Маркова, всегда организованная и целеустремленная, одухотворенная женщина, которая свою женственность и тонкую душу передает через стихи.

Автор проекта - Ханс Оймюр, мужчина высокого роста, стройный, приветливый, очень доброжелательный.

Организаторы проекта - стокгольмский Городской Музей, директор которого Анн Шарлотта Беклунд, излучающая радушие, Шведский институт, где ответственное лицо за контакты с Грузией - Сильвия Августинсон.

Началось все с экскурсии, которую провела Тина Родхе, куратор и администратор проекта. Она провела нас в подземный Средневековый музей, который еще в стадии реставрации, и распахнула перед нами множество закрытых дверей. Создалось впечатление, что Тина владеет ключами от всего города.

Семинары в Средневековом музее, Музее города, Историческом, Музее музыки проводили кураторы Элизабет Бренинг, Петер Лjungрен, Ларс Анерстен и Солбриг Беннет. В Музее Нобеля, который расположился недалеко от старейшей площади города - Старторгет. Куратор Карин Клойсон, познакомив нас с биографией Альфреда Нобеля, с историей семьи, лауреатами Нобелевской премии и даже их личными вещами, предложила кофе-брейк. Представляете?! В кафе нам предоставили честь сидеть на именных стульях лауреатов Нобелевской премии с их автографами! Мы общались на английском и шведском языках с одной стороны и на русском и грузинском - с другой. Синхронно переводили Римма Маркова и Екатерина Мжаванадзе.

Екатерина Мжаванадзе - ассистент-профессор Батумского государственного университета, везде успевала, как направляющий вектор нашей делегации. Тонкое чувство юмора доставило нам всем немало удовольствия.

В нашей представительной делегации также были академик Амиран Кахидзе, директор Археологического музея, профессор Шота Мамуладзе, директор Музея-крепости Гонио-Апсарос, Годердзи Тоточава, директор Музея Аджарии имени Харитона Ахвледиани. Высокий профессионализм с первых минут общения сблизил хозяев и гостей.

Директор самого молодого нашего Технологического музея имени братьев Нобелей Темур Тунадзе, доктор

истории, все увиденное и услышанное фиксировал со скрупулезностью, свойственной музейным сотрудникам и энтологам.

Тренинги, осмотр достопримечательностей Стокгольма, завтраки и официальные приемы плавно перетекали друг в друга.

Мы совершали прогулки по улочкам с газовыми фонарями, спускались по лестнице в самом узком переулке Мортена-Тротцига, ширина которого до девяноста сантиметров. Поочередно погладили по голове самого маленького шведского мальчика, высотой 30 сантиметров от земли, скульптура которого прячется в одном из тихих дворишков Старого города. Загадали желание и положили монетки.

В ресторанах и кафе познакомились с разнообразием шведской кухни: оленина, мясо лосося, обилие рыбных блюд. Еда великолепна. На приеме в Средневековом музее за бокалом вина, после произнесенных традиционных грузинских тостов, мужская часть нашей делегации посвятила песню женской части аудитории.

Амиран Кахидзе, который много лет сотрудничает с Оксфордским университетом, высказал пожелание, чтобы и шведские коллеги принимали участие в уникальных раскопках на территории Аджарии. Годердзи Тоточава рассказал, как прекрасен наш Батуми и как он с каждым годом хорошеет и благоустраивается, превращается в жемчужину Грузии. Шота Мамуладзе и Элизабет Бренинг интересно увязали в своих выступлениях проблемы музеев и семьи - у обоих по трое взрослых детей. Темур Тунадзе выразил нашу общую благодарность за возможность участия в столь важном проекте для музеев города Батуми и надежду на продолжение деловых и дружеских отношений. Повсюду мы обменивались проспектами и сувенирами.

Музеи Стокгольма приятно поразили нас продуманными программами для детей дошкольного и школьного возраста. Нам показали комнаты с декорациями для костюмированных игр, помещения, приспособленные для изучения материалов археологических раскопок, с лабораториями, литературой, музыкальными инструментами, старинными и современными, которые можно потрогать, услышать. Все это оформлено посредством прекрасного освещения и спецэффектов. Особой теплотой отличаются программы для детей-инвалидов и умственно отсталых детей.

Одна из самых интересных достопримечательностей мира - музей «Васса». Это королевский парусный корабль, который при первом спуске на воду опрокинулся и затонул в 1628 году. Через триста лет он был найден неповрежденным и стоящим на дне. После проведенных уникальных восстановительных работ «Васса» обрел новую жизнь.

Мы расставались с грустью, наилучшими пожеланиями и надеждой на ответную встречу у нас в Батуми.

А результаты этой нашей незабываемой поездки оценят посетители наших музеев, которых мы будем ждать с нетерпением. Конечно, многое можно и нужно усовершенствовать в работе. Главное - не сидеть, сложа руки, уметь видеть и слышать прекрасное и передавать это умение другим.

Ходите чаще в музеи, в театры, на концерты!

Александра АНИСИМОВА

ВИЖУ ЦЕЛЬ

В олимпийский Токио Шота Квелиашвили отправился фаворитом, первым номером. В этом убедился после приезда американцев, готовых взять реванш у наших стрелков за римское поражение. Едва распаковав чемоданы, кинулся его разыскивать Гэри Ли Андерсон, армейский священник из штата Небраска, по совместительству занимающийся стрельбой, столь далекой от учения Христа.

Уже первое знакомство показало: Гэри добросовестно штудировал книгу «Спортивная стрельба из произвольной винтовки» русского стрелкового аса и тренера Юрьева, не делавшего секрета из методов тренировок Шота Квелиашвили. Но американец, четырехкратный чемпион мира, хотел получить информацию из первых рук, прежде чем они выйдут на рубеж стрельбища «Асахи», на территории бывшей американской военной базы.

Стандарт 3x40 выстрелов они начали стрельбой с колена. После этого упражнения Шота опережал главного соперника на пять очков, но американец, действуя с поистине олимпийским спокойствием, особенно в стрельбе стоя, где он был очень силен, отстрелялся первым с новым рекордом мира в сумме – 1.153 очка, что на три очка превышало высшее достижение швейцарца Холленштейна. Буквально выхватил золотую медаль чемпионки из рук тбилисского динамовца.

Медаль Квелиашвили, к тому же серебряная, – единственная на 14 советских стрелков. Его сумма в троеборье великолепная, на семь очков превышала прежний олимпийский рекорд, но американец набрал на девять очков больше.

В Олимпийской деревне Шота Квелиашвили чествовали, как победителя – поднятием флага и праздничным тортом. Первым его поздравил с олимпийской наградой и званием заслуженного мастера спорта председатель Спорткомитета Грузии Георгий Васильевич Сихарулидзе, который с самого начала верил в возможности Квелиашвили и все сделал, чтобы справедливость торжествовала и сильнее включили в состав олимпийской сборной.

Квелиашвили поздравляли, а он вспоминал предотъездную суету, когда его, победителя всех крупных международных стрелковых соревнований – в Чехословакии, Румынии, Финляндии и Москве (в ходе их он установил два рекорда мира и два всесоюзных), как и товарищей по команде, тренеры сборной подвергли бесполезным и странным испытаниям. На Олимпиаде в боевом стандарте выставлялись два стрелка, а их было четверо в одной команде, недавних друзей, ставших вдруг несимпатичными друг другу, до последней минуты лишенных сна и уверенности, и возможных очков, достаточных, наверное, для победы в этом виде спорта

Шота Квелиашвили

настоящих мужчин.

После Токийской олимпиады Шота побывал в Тержольском районе, в родном селе Тузи. И потом, в минуты сомнений, намучившись на тренировке, в пропахшем порохом и оружейным маслом тире, недовольный результатами, вспоминал лица земляков, гордых его успехом.

Желание не подвести себя и других, быть максимально полезным обществу неизменно отличало этого знаменитого и одновременно скромного чемпиона.

Победитель крупных соревнований, уже приглашенный в сборную команду страны, Квелиашвили отказался от участия в Римской олимпиаде-60, решив взять другой заманчивый рубеж – стать студентом Тбилисского университета. Не подозревал он, что в скромной роли за-

пасного участника американцы привезли в Рим Гэри Ли Андерсона. Прозевали его корреспонденты и статистики спорта: через два года на чемпионате мира в стрельбе из произвольной и малокалиберной винтовок он завоевал четыре золотые медали, установил два мировых рекорда.

Решив стать юристом, Шота засел за учебники. На экзамене по языку писал сочинение на тему «Мой любимый герой», – об Эрнесте Хемингуэе, писателе, охотнике и рыбаке, оставившем удивительную загадку: что понадобилось леопарду почти у самой вершины западного пика горного массива Килиманджаро, в краю вечных снегов?

Что движет нами в стремлении к высоте?

Он старался отвечать своему представлению об истинном спортсмене: скромность и воля к победе. В год Мексиканской олимпиады, будучи на международном турнире на Кубе, недалеко от Гаваны, он посетил виллу Финка Вихия – дом Хемингуэя, человека, которого всегда и во всем ставил себе в пример, и который считал, что настоящий серьезный писатель вправе писать только о том, что хорошо знает, пропущено через сердце, стало собственной судьбой и собственной болью, внося своими книгами что-то новое в человеческие знания.

Гость из Советского Союза стоял на пороге дома, одноэтажного и обветшалого, построенного в начале столетия, и думал, что дом достаточно велик, чтобы вместить все эти книги, чужие и написанные тем, кто жил здесь, и все охотничьи трофеи, которые он добыл собственноручно среди зеленых холмов Африки.

Прошло семь лет после рокового вы-

На огневом рубеже

стрела из любимой охотничьей двустволки в американском доме в штате Айдахо, но печаль смерти и огромной потери все еще ощущалась в комнатах дома, особенно в маленькой и узкой, с пюпитром у стены, за которым так хорошо работалось Хему по утрам.

Пулевой стрельбой Квелиашвили заинтересовался неожиданно в 14 лет, случайно заглянув в тир. До этого занимался фехтованием на рапире. Скоро школьный педагог Гоги Гвиниашвили рекомендовал его в стрелковый кружок Республиканского Дворца пионеров и школьников, тренеру Северьяну Барабадзе как будущего чемпиона с мушкетерским характером. Шота уже увлекся пушкинским «Выстрелом», а потом пришел черед великого американского писателя, автора знаменитых рассказов «Снега Килиманджаро», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макomberа», «Зеленых холмов Африки»... Пройдет полгода, и девятиклассник станет трехкратным победителем спартакиады школьников Грузии в стрельбе из малокалиберной винтовки, установит первые личные достижения из своего внушительного списка мировых и всесоюзных рекордов трехкратного чемпиона Европы и СССР, победителя первенства мира среди юниоров и международных турниров.

Первые большие победы пришли к Шота Квелиашвили на армейских соревнованиях. Он выполнил нормативы мастера спорта в трех упражнениях, в команде Закавказского военного округа стал чемпионом Вооруженных Сил СССР и в 1959 году был включен в главную команду страны. И оставался в ее составе десять лет!

А кто рядом с ним? Анатолий Богданов, Моисей Иткис, Виктор Шамбуркин – олимпийские чемпионы и чемпионы мира. И в одной компании с ними 19-летний Шота Квелиашвили, уже признанный мастер меткого огня.

Парадокс, но успехи его в спорте были бы значитель-

нее, не отличись он в учебе.

В 1965 году дипломированный юрист направляется на партийную работу. В Орджоникидзевском райкоме партии города Тбилиси курирует административные органы. И здесь находит свое призвание, уйдя, казалось бы, навсегда из большого спорта.

Но начиналась подготовка к юбилейной IV Спартакиаде народов СССР, и руководители Федерации стрелкового спорта уговорили его выступить. Три года не державший в руках спортивного оружия, он стал призером в нескольких упражнениях, был зачислен в олимпийскую сборную.

На Олимпиаду в Мехико в 1968 году Шота отправился в ранге чемпиона страны и победителя соревнований в ФРГ, на которых опередил олимпийского чести она Андерсона. Стрельба, к тому же из произвольной винтовки, – из разряда непредсказуемых видов спорта. На Олимпиаде Квелиашвили стреляя лежа, набрал одинаковую с победителем Игр Андерсоном сумму очков (394), но по итоговой сумме уступил ему 15 очков, заняв четвертое место. И сделал свой вклад в командную победу советских стрелков.

Вспоминая этапы большого спортивного пути, он называл своих учителей – заслуженных тренеров Грузии Левана Тертеряна, Георгия Бекташева, Тенгиза Херхеулидзе, Пармена Лекишвили, раскрывших юноше науку оружия и стрельбы, как по 5-6 часов удерживать в неподвижности сложную систему: прорезь – мушка – мишень, развивать соколиную зоркость глаза, устойчивость рук, сотни раз поднимающих на огневом рубеже – очень плавно, без рывков – винтовку весом восемь килограммов.

Свыше десятка лет его, члена Международного стрелкового союза, можно было видеть на крупных турнирах. Арбитр высшей международной категории по пулевой стрельбе судил на Олимпиадах в Сеуле и Барселоне.

Авторитет Шота Квелиашвили в спортивном мире с годами оставался неизменно высоким. В 1973-1974 гг. он председатель Тбилисского горспорткомитета, в 1974-1985 гг. заместитель председателя Спорткомитета Грузии, кавалер Ордена Чести, с 1985 года заведовал кафедрой многоборья Академии физического воспитания и спорта, вносил вклад в подготовку отечественных стрелков, пятиборцев, конников, фехтовальщиков, был избран председателем республиканского профсоюза спортсменов и спортивных работников.

В чем секрет выдающихся достижений стрелка Шота Квелиашвили?

С учетом мнения его супруги Наили Чихория, кандидата медицинских наук, доцента кафедры физиологии Государственного медицинского университета, сына Георгия, невестки Теи, дипломированных врачей, мы как-то сообща пришли к выводу – в силе его рук, самой природой предназначенных для спортивной стрельбы, которая в свое время выдвинула в число лучших в мире.

В ту давнюю встречу мы переговорили о событиях далеких и близких, подкрепляя свои впечатления и мысли множеством фотографий, вываленных хозяином квартиры на ковер в гостиной. А вначале меня уверял, что невозможно что-либо отыскать в его домашнем архиве. И потом, словно видел впервые, подолгу перебирал снимки, откладывая в сторону и снова возвращаясь рассказом к ним.

Незаметно бежало время в неторопливом разговоре, так что, как я потом узнал, начали волноваться дома мои близкие, а двухлетний внук хозяев Шотико, успел со мной познакомиться и проникся доверием, показал свой игрушечный пистолет, большой и ухоженный, и не надо было гадать, кто для него кумир в стрельбе.

Арсен ЕРЕМЯН

ДУЭТ БРАТЬЕВ

Гиви Нодия в игре. 1968

В футбольной летописи Грузии ярким памятным следом обозначена фамилия Нодия. Разумеется, в первую очередь, это незабвенный форвард Гиви Нодия (1948-2005) – один из лучших бомбардиров в истории команды тбилисского «Динамо», а однажды (1970) и чемпионата СССР, неоднократно входивший в число лучших советских футболистов (в 1969 году под №1) и одаривший нас прекрасными воспоминаниями о своей высокотехничной и результативной игре, эффектными голами, причем, часто – головой, несмотря на свой небольшой рост.

Но и на этом ярком фоне заметной фигурой остается его брат – футболист и тоже нападающий Леван Нодия (р. 1949), игравший в 1968-1974 годах за команду тбилисского «Динамо» (провел 106 игр, забил 11 мячей в чемпионатах СССР, а всего – около трех десятков голов в официальных и товарищеских матчах), будучи достойным партнером прославленного старшего брата.

Надо сказать, что история грузинского футбола знает немало братских дуэтов, выступавших на зеленых полях. Наиболее известны среди них: гений грузинского футбола Борис Пайчадзе и его брат Автандил, Михаил и Владимир Бердзенишвили, Гайоз и Спартак Джеджелава, Шота и Михаил Джоджуа, Карло и Николай Гагидзе, Алеша и Серго Котрикадзе, Манучар и Гоца

Мачаидзе, а в недавнем прошлом – трио Реваз, Шота и Арчил Арвеладзе.

Но наш рассказ о братьях Нодия (оба уроженцы Кутаиси, где начинали играть в местном «Торпедо»).

Вспомним, что написано о Гиви Нодия и его брате Леване в авторитетном справочнике «Российский футбол за 100 лет» (Москва 1997): «Один из сильнейших форвардов страны конца 60-х – начала 70-х. Его отличали высокая стартовая скорость, постоянное движение, жажда гола. Нодия умел предугадывать действия защитников и партнеров, хорошо играл на опережение, вовремя открывался для приема мяча, был очень трудолобив. Успешно действовал в связке с братом Леваном».

Характеристика – весьма лестная и объективная. Добавим, что в чемпионатах СССР Гиви Нодия провел 314 встреч, забив 93 мячей, он вошел в так называемый «Клуб Г.Федотова» с 113 забитыми голами.

Мало у кого в грузинском футболе был такой впечатляющий дебют, как у Гиви. В 1967 году он забил больше всех мячей – 13. Незабываем забитый им гол в Москве местному «Динамо» (12 июля). Опередив высокорослых защитников он головой забил эффектный гол. Прекрасно сыграл и в тбилисском матче с москвичами – 5:1 (!), из которых два гола были на его счету.

Очень успешным для братьев Нодия был чемпионат 1969 года. В частности, Гиви вновь стал бомбардиром команды (10 мячей). Отличился тогда и Леван, о чем речь пойдет ниже.

Яркая игра Гиви Нодия не осталась незамеченной. Его ввели в сборную СССР, в составе которой он принял участие в Олимпиаде (Мехико, 1970), став через два года вице-чемпионом Европы. А всего в сборной СССР он провел 22 игры (5 мячей). В 1970 году стал бомбардиром чемпионата СССР (17 мячей).

В своей родной команде Гиви шесть раз был бомбардиром, уступая по этому показателю Рамазу Шенгелия (8). Не могу не вспомнить игру с минским «Динамо» (15.09.1973), в которой он забил четыре красивых гола. Завершил свою карьеру игрока Нодия в московском «Локомотиве» (1976-1978), проведя 68 матчей и забив 9 голов.

В последние годы Г.Нодия работал тренером в разных грузинских командах, в том числе и тбилиском «Динамо».

Скончался Гиви Георгиевич 7 апреля 2005 года в

Леван и Гиви Нодия. 1970

Леван Нодия. 2009

возрасте 57 лет.

Расскажем теперь о Леване Нодия.

Дебют его в команде в 1968 году прошел незамеченным, тем более, что провел он всего три матча. Но уже в следующем сезоне молодой футболист громко заявил о себе, забив в 21 матче пять очень красивых и, главное, важных, решающих мячей.

Матч с ленинградским «Зенитом» (24.06.1969), за-

кончившийся убедительной победой тбилисцев 4:0, наша спортивная пресса вполне резонно окрестила «бенефисным матчем» братьев Нодия, забивших три мяча (два – Гиви, один – Леван и еще один – С.Кутивадзе). В этом и в следующих матчах Леван играл на левом краю атаки, удачно взаимодействуя со своим вездесущим (номинально-центральным нападающим) братом.

Газета «Лело» (26.06.1969) писала: «В победе над «Зенитом» с крупным счетом большая заслуга молодого левого крайнего Левана Нодия. Он сыграл замечательно, и, помимо того, что сам забил гол, был зачинателем и активным участником многих атакующих комбинаций».

Поистине «звездным», безусловно самым ярким в спортивной карьере Левана, оказался матч (20.09) с грозным московским «Динамо», ворота которого в тот день защищал великий Лев Яшин. Леван забил два гола (еще один – Г. Гавашели), обеспечив своей команде победу 3:1.

Примерно, на 50-й минуте, сыграв в одно касание со своим братом, Леван неотразимо пробил под перекладину. Замечателен был и второй гол: получив пас от С.Кутивадзе, Леван перебросил мяч через защитника и не дав ему опуститься на землю, мощным ударом отправил его в сетку.

Еще один гол Леван забил в международной встрече «Висмуту» из ГДР (2:1).

В следующем чемпионате (1970) Л.Нодия провел, как никогда, много матчей (28 из 31), забив два мяча, один из них – с ленинградским «Зенитом» - был очень важным, наша команда долгое время проигрывала и отыгралась благодаря меткому удару Левана во втором тайме. Другой же мяч, на пару со своим братом он забил в матче с сильной командой СКА (Ростов) – 2:0. Еще два мяча были забиты в кубковом матче с тбилиским «Локомотивом» (1:0) и в проигранной международной встрече с бразильской командой «Пальмейрас» (2:4). Красивая была игра в целом, как и все забитые мячи.

В чемпионате СССР 1971 года Л.Нодия забил всего три гола, но все они были, как говорится, на вес золота. Так, в матче с ленинградским «Зенитом» (20.06), забив в первом тайме гол (М.Мачаидзе), наши игроки, расслабились и позволили противнику сравнять счет в середине второго тайма. Дело шло к ничьей на своем поле, и лишь настойчивость Левана привела к победе буквально на последних минутах игры.

Что же касается матча с московским «Спартаком» (12.11), то безусловным его героем стал именно Леван, забивший по голу в каждом тайме (а еще один гол москвичи забивали в свои ворота) – 3:0! Любопытно, что два своих лучших, поистине незабываемых матча Леван провел именно против сильнейших московских команд - «Динамо» и «Спартак».

В начале сезона 1972 года Леван получил травму, надолго выбившую его из игры. В результате он провел лишь 18 встреч, забив всего один гол в самом конце чемпионата, но кому? – опять-таки московскому «Спартаку» (счет 2:0, второй гол забил М.Мачаидзе)! Отыгрался же Леван на командах Шри-Ланки и Сингапура во время турне по этим странам в ноябре нашего «Динамо», забив в общей сложности 10 мячей в 6 матчах!

Последствия травмы сказывались и в следующем сезоне (Леван опять-таки провел лишь 18 встреч), но не могу не отметить забитые им мячи в победных матчах розыгрыша Кубка УЕФА командам «Славия» (София), закончившимся со счетом 4:1 и ОФК (Белград) – 3:0. Вот, были времена!

Завершил же свою карьеру (так и не залечив до конца свою травму) Леван Нодия в 1974 году, сыграв всего 6 матчей.

В последующие годы он работал в разных грузинских командах (в том числе «Динамо» Тбилиси и «Торпедо» Кутаиси) и по своей специальности инженера.

В настоящее время Л.Нодия работает менеджером и консультантом в команде «Мика» (Ереван), лидирующей в чемпионате страны.

Гулбат ТОРАДЗЕ

В ТБИЛИСИ ЕСТЬ УЛИЦА РИМА

В начале октября на бывшей улице Варцихи было многолюдно, пришли и соседи из близлежащих улиц. Многие интересовались, скоро ли придут итальянские гости. Повод для их приезда был значительным – одной из старинных улиц Старого Тбилиси, что по соседству с памятником А.С. Грибоедова, городской мэрией присвоено имя Рима. В столицу Грузии приехали вице-мэр Рима Умберто Кроппи и книгоиздатель Сандро Тети. На торжественной церемонии присутствовали вице-мэр Тбилиси Мамука Ахвледiani, председатель столичного Сакребуло Заал Самадашвили, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Италия в Грузии Витторио Сандалли.

«Мы благодарны тбилисцам и правительству столицы за сердечный прием. Рим и Тбилиси – одни из самых старых городов мира, которых связывает давняя история. Открытием Римской улицы мы символично открываем путь, который исторически прошли наши страны. Через несколько месяцев мы планируем открыть Тбилисскую улицу в Риме», – сказал вице-мэр Рима Умберто Кроппи.

Сандро Тети рассказал в беседе с нами, что в ближайшем время планируется выход книги о Грузии на итальянском языке. «Эта первая книга о Грузии такого масштаба, которая будет издана в Италии. До сих пор у нас издавались лишь путеводители о Грузии или специфические издания по картвелологии», – сообщил Тети, который также руководит фирмой, занимающейся консалтинговой деятельностью с зарубежными странами. Он также высказал пожелание развивать тесные контакты с Грузией по интересующим его вопросам.

Увидев на доме №2 мемориальную доску, вице-мэр Рима Умберто Кроппи заинтересовался, кто прежде проживал в этом здании. И получил исчерпывающие сведения от Заала Самадашвили. В 1918-1949 годах здесь жил видный общественный деятель, профессор, один из основоположников научной офтальмологии Александр Николаевич Шатилов. В ближайшем будущем намечается реставрация этого исторического дома. Как уточнил Заал Самадашвили, планируется реабилитация всего квартала. «Это продолжение программы, охватывающей реабилитацию Старого города. В этом необыкновенном квартале сохранились здания архитектуры первой половины XIX века. Присвоение одной из улиц Старого Тбилиси имени Вечного города – значительное событие в грузино-итальянских отношениях, которым более тысячи лет. В третьем веке до н. э. в Риме была установлена скульптура грузинского царя Парнаваза. Сегодня в современном Риме в прекрасном парке Вилла Боргезе будет установлен бюст великого грузинского поэта Шота Руставели», – сказал Самадашвили.

В сентябре закрытая комиссия в мэрии Рима при-

Витторио Сандалли и Умберто Кроппи

На открытии ул.Рима

няла решение поставить памятник Шота Руставели в одном из самых больших общественных парков. Кстати, комиссия решила, что в аллее великих поэтов бюст Руставели будет последним.

Римский парк Вилла Боргезе – самый большой и любимый римлянами общественный парк. Кардинал Шипионе Боргезе, племянник папы римского Павла V, создал на месте бывших виноградников парк, большая часть которого в XIX веке была оформлена в английском стиле. В 1903 году парк приобрело государство, и передано в дар городу. В 2000 году здесь был установлен памятник А. С. Пушкину, а в 2002 – памятник Н.В.Гоголю. Автор последнего – известный скульптор, президент Российской академии художеств Зураб Церетели безвозмездно передал свою работу в дар итальянской столице.

Миранда ОГАНЕЗОВА

В ПОИСКАХ УХОДЯЩЕЙ НАТУРЫ

Юрий Вачнадзе

ДАВНО ЗАМЕЧЕНО, ЧТО ЖИЗНЬ ДАЕТСЯ ЧЕЛОВЕКУ ОДИН РАЗ, А НЕ УДАЕТСЯ СПЛОШЬ И РЯДОМ. ПОЭТОМУ, ЧТОБЫ ЖИЗНЬ РАДОВАЛА, НАДО И ХОЧЕТСЯ ВОСХИЩАТЬСЯ, А ЧТОБЫ ОНА УДАЛАСЬ, НАДО И ХОЧЕТСЯ УЧИТЬСЯ, А ЗНАЧИТ, В ТОМ ЧИСЛЕ, - НЕ УПУСКАТЬ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСЛУШАТЬ ЧЕЛОВЕКА НАСТОЯЩЕГО, ГЛУБОКОГО, ИСКРЕННЕГО. ЭТО ВСЕГДА ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ ШКОЛ В ЖИЗНИ, ДА И ПРОСТО РОСКОШЬ ДЛЯ ДУШИ И РАЗУМА. ЮРИЙ ВАЧНАДЗЕ – ФИЗИК ПО ОБРАЗОВАНИЮ И СКЛАДУ УМА, ЛИРИК ПО ПРИЗВАНИЮ И ВОСПРИЯТИЮ МИРА, ЖУРНАЛИСТ ПО ПРОФЕССИИ, РОМАНТИК И СКЕПТИК ПО ЖИЗНИ – ИЗ ЧИСЛА ТАКИХ ЛЮДЕЙ. ОН СТАВИТ СВОЕГО СОБЕСЕДНИКА, А СЛЕДОВАТЕЛЬНО, УВЕРЯЮ ВАС, И ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПОКЛОННИКА И УЧЕНИКА, ПЕРЕД ЖЕСТОЧАЙШИМ ВЫБОРОМ: ДА ИЛИ ДА. НАПРИМЕР, ЧЕСТЬ ИЛИ ЧЕСТЬ, ПРАВДА ИЛИ ПРАВДА... ИНОГО НЕ ДАНО. ВАХУШТИ КОТЕТИШВИЛИ НАЗВАЛ ЕГО «ПОСЛЕДНИМ ИЗ МОГИКАН». ПОТОМУ ЧТО ОН НЕ ТОЛЬКО КОРЕННОЙ ТБИЛИСЕЦ, НО И НАСТОЯЩИЙ ГОРОЖАНИН, «КАЛАКЕЛИ». УХОДЯЩАЯ НАТУРА...

- Я хочу задать вам почти всеобъемлющий вопрос... Давайте поговорим о вас и о нашем городе. Город вашего детства, молодости и зрелости. Что изменилось за эти годы, что оказало на вас самое большое влияние, что было потрясением...

- В ответ на такой вопрос надо писать книгу.

- Конечно.

- Я попробую. Хотя бы вкратце.

- Может быть, начнем с легендарной родословной?

- А вот на эту тему я говорить бы не хотел. Семья – это интимное дело. И потом, я думаю, что читателю должен быть интересен сам объект, о котором пишут, а не то, что может либо как-то возвысить его облик, либо приземлить. Я окончил русскую школу, и со школы у меня друзей не осталось... Поэтому я очень завидую моему сыну, который учился в грузинской школе. Правда, сейчас он американец, пианист, профессор Мичиганского университета, лауреат многих международных конкурсов – Георгий Вачнадзе. Но если у него и остались здесь друзья, то именно школьные. Грузинская школа в этом смысле была совершенно другая... Я застал одиннадцатилетнее образование. Нас уже в младших классах разделили, и я учился в тогдашней 47-й мужской школе на Плеханова. Я окончил школу с золотой медалью, а параллельно со средней - и музыкальную школу при консерватории. По натуре я гуманитарий, по всем параметрам. Но встал прозаический вопрос – как ты, мужчина, будешь зарабатывать на жизнь? В тот период была альтернатива – физики и лирики. И физика, атомная энергия

– это было очень злободневно. Я выбрал физику. Но уже на втором курсе понял – это не мое. И все же, представьте себе: университет, физический факультет, и первую лекцию нам читает выдающийся грузинский физик, профессор Матвей Михайлович, Матэ, Мирианшвили. Это было нечто.

- Хотя и физика, но песня?

- Да! А потом – нам читали Илья Векуа, Давид Дolidze, Гиви Хуцишвили. Все светила науки! Но в университете я часто бросал свои лекции и шел слушать на русском филологическом факультете курс «Руставели и восточный ренессанс», который читал Шалва Нуцубидзе. Ни до, ни после, ни вместо я ничего подобного нигде не слышал. Казалось, весь университет собирался в 93-й аудитории в первом корпусе. Как все помещались, не знаю... Он стоял за кафедрой и читал, обращаясь к какой-то точке на стене напротив.

- Поверх голов.

- Именно. И как будто заставлял нас приподняться, чтобы дотянуться до этой высоты. Это был и роман, это была и энциклопедия, это был и спектакль одного актера. Причем он читал на блестящем русском языке, но с типично бюргерским немецким акцентом. У меня до сих пор стоит его фотография еще с тех времен, потому что я поклоняюсь этому человеку. Я потом слушал Норберта Винера, Нильса Бора, но ничего подобного я не встречал. За одним исключением - сродни лекциям Нуцубидзе были лекции Мераба Мамардашвили, его гениальное устное творчество. Я доучился. Получил рекомендацию в аспирантуру. Руководителем диссертации у меня был известный московский профессор Баранов – я учился в аспирантуре в Москве. Он был замечателен тем, что был совершенно не похож на физика в общепринятом представлении - очень хорошо разбирающийся в жизни человек, который все знал заранее, которого трудно было удивить.

- А может быть, это вообще отличительная черта физика? Может быть, именно физика развила рациональный склад вашего ума?

- Прямо в жилу вопрос! 70 процентов моей организованности, моей сообразительности, моего логического мышления, моей способности попадать «в десятку» – все это благодаря физике. Ну, написал я диссертацию, надо было и защищаться. Из голосов восьми членов учебного совета я получил только один против, то есть один черный шар. Это считалось замечательным, потому что все белые шары как-то не внушали доверия. Защищился. Что дальше? Работать-то и зарабатывать надо. Я пошел в ГПИ и тридцать лет читал общий курс физики, и в аудитории у меня сидело по двести человек студентов.

- Что вас увлекало, что делало вас счастливым в студенческие годы? Каким был город тогда и какой он, на Ваш взгляд, сейчас?

- В период моей молодости было два основных понятия – калакели и тбилисели, то есть горожанин и тбилисец. Надо было быть, по крайней мере, во втором поколении тбилисцем и быть проводником особого менталитета, чтобы иметь право называться калакели. У горожанина было свое миропонимание, какого у тбилисца могло и не быть. Тбилисец, ну и что, вчера приехал, вот и тбилисец. Сейчас калакели практически нет. По пальцам можно перечислить. Даже в творческой среде – их единицы. Это, например, братья Чиладзе, это Чабуа Амiredжиби... А слово «тбилисец» становится синонимом слова «провинциал». Именно потому мне так горько, когда я выхожу на улицу. Я в другом городе. Я не вижу горожан. Каким я вспоминаю город моей молодости? Первое, что приходит на ум, – ты жил в городе и ты жил некоей семьей. И ты был членом этой семьи, то есть не было человека, кого бы я каким то образом не знал и который каким-то образом не знал бы меня. Это было

незабываемое ощущение жизни в СВОЕЙ семье.

- Видимо, все-таки городской жизни. Не как в деревне, где все всех знают...

- Нет, конечно. Ну что вы, какая деревня... Я вспоминаю Тбилисский оперный театр. Это 40-50-е годы и начало 60-х. Какие певцы пели тогда! Это не самое главное, но это тоже важно. Давид Андгуладзе, Петре Амираншвили... А тот период был особенно интересен, потому что во время эвакуации в Тбилиси с Украины приехала оперная труппа. Пели Гришко, Кипоренко-Доманский... И это тоже было как бы все наше.

- Значит, из культурных потрясений первое – это Опера?

- Да, и вам объясню почему. Опера не была просто оперой. Если где-то зарубежом были клубы, где собиралась элита, то в Тбилиси была Опера. Там вы могли встретить всех. Мы ходили туда, как в клуб.

- А трофейные фильмы, наверное, тоже были важной частью жизни? Мне рассказывали, например, что когда на экраны вышла «Великолепная семерка», по Руставели начали прогуливаться молодые люди походкой Юла Бриннера.

- Было, было. Наше поколение очень любило кино. Вы знаете, я хорошо помню свою первую любовь. Это

Ю.Вачнадзе с супругой Нанэ и грузинскими и московскими артистами

была совершенно очаровательная девушка. Я увидел ее по пути к дому моего двоюродного брата, самого близкого мне человека, на улице Шерозия, рядом с Плехановским, и сразу понял, что это нечто. И знаете, почему? Ассоциативно. Был такой фильм очень крупного голливудского режиссера Джорджа Кьюкора «Ромео и Джульетта» на музыку Чайковского. Это изумительный фильм, и там играет созвездие великолепных актеров. Джульетту играла Норма Ширер. Как раз на нее и была похожа девушка, в которую я влюбился. Я застал расцвет Грибоедовского театра. Какие были актеры – Брагин, Бодров, Вяземский... Мы часто ходили в театр Руставели. Был спектакль, который сейчас почти забыт и который произвел на меня огромное впечатление – «Бараташвили» по пьесе Михаила Мрелишвили.

- Его пьеса «Пламенный мечтатель» о Грибоедове шла на сцене Грибоедовского театра.

- Вот-вот. А спектакль в театре Руставели в постановке Додо Алексидзе представлял собой сцены из жизни Бараташвили. Вы знаете, мы бредили этим спектаклем. Главную роль сыграл большой актер Гоги Гегечкори,

тогда еще очень молодой. Последнюю сцену я как сейчас помню – Бараташвили поднимает руку и начинает читать «Мерани», и в это время в зале постепенно загорается свет. Мы все же были консервативны. И это было для нас так ново! Я на этот спектакль ходил несколько раз. А потом вспомнил о нем в Метрополитен Опера. Давали «Трубадура». А в зале там висит множество красивейших люстр, и висят они очень низко. И вдруг они начали постепенно гаснуть, и тихо-тихо уплывать вверх. Это был обратный прием, и эффект медленно гаснущего света напомнил мне эффект медленно загорающегося света в спектакле Руставелевского театра. Но я, однако, не назвал еще одно место, пожалуй, главное в тогдашнем Тбилиси. Это Гофилект - летний сад на Плехановском, рядом с нынешним музыкальным центром имени Джано Кахидзе. Там был совершенно уникальный деревянный концертный зал в псевдомавританском стиле. Вот где собиралась вся элита! Кого я мог встретить в Гофилекте? Гию Канчели, Бидзину Квернадзе, братьев Чиладзе... Туда ходили все. А какие исполнители там играли! Исаак Стерн, Марта Аргерих, пели Жильбер Беко, Доменико Модуньо, Клаудио Вилла... И такой театр разрушили!.. Вообще, культура Тбилиси тех времен – это необъятная тема. Чего только стоили симфонические понедельники, которыми дирижировал Одиссей Димитриади! Так как каждый день шли оперные спектакли, оперный зал был свободен только в понедельник, и в этот день устраивался симфонический концерт, на который мы все и ходили, как правило. Столько воспоминаний сейчас нахлынуло на меня...

- Вы говорите о колорите города. А что, на ваш взгляд, происходит сейчас? Колорит уходит или уже ушел?

- Колорит не ушел. Колорит ушли. Великий политик и грузин Шеварднадзе сделал в свое время все, чтобы мы пришли к тому, к чему пришли. Началось массовое заманивание людей из деревни в город.

- Уходящий колорит – это беда для города?

- Нет, это не беда. Это катастрофа. Дальше ехать некуда. Хуже быть не может.

- А каким вы видите город сегодня?

- Вот как раз сегодня это большая деревня. В наше время говорили, что Тбилиси – это маленький Париж. До Парижа, пожалуй, далеко. Но в Союзе это все-таки был исключительный город. А сейчас – что это такое? Что происходило раньше? Приезжие люди старались подлаживаться под городскую жизнь, ассимилироваться. А нынешние приезжие оказались достаточно агрессивны. Они подчинили город своим обычаям, своим нравам.

- А какой вы запомнили Москву конца 50-х - начала 60-х?

- В конце пятидесятих годов прошлого столетия я, скромный аспирант московского ГЕОХИ имени Вернадского из Тбилиси, каким-то образом попал в общество представителей столичной неконформистской золотой молодежи (не удивляйтесь – было такое!), вроде бы стремившихся вырваться из жестких объятий родной советской власти. Это были, в основном, дети известных деятелей науки и культуры и, как ни странно, отпрыски советских партийных и военных бонз. Сейчас-то я отлично понимаю, что некоторые из них просто-напросто работали на КГБ. Тогда же вся эта братия в разных вариациях состава встречалась на квартирах, на закрытых просмотрах запрещенных советских фильмов и картин с участием Алека Гиннеса и Греты Гарбо, на спектаклях Жана Вилара и Марии Казарес, на концертах Артура Рубинштейна и Катарины Валенте и еще Бог знает где. Особой популярностью в те времена пользовался ресторан на первом этаже знаменитой московской гостиницы «Националь». Там чуть ли не ежедневно собиралась сердитая (на советскую власть) молодежная богема, в которой было много будущих известных деятелей – таких, как, скажем, скульптор Эрнст Неизвестный. Это называлось «пойти на «Уголок». Среди его завсегдатаев можно было встретить тогдашних кумиров – Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко и других.

Между тем, ресторан на втором этаже «Националя» вечерами был заполнен исключительно иностранцами и искусствоведами в штатском. Никто из простых смертных туда даже носа не совал. Узнав, что по вечерам там играет замечательный джазовый состав (слова «комбо» мы тогда не знали), я решил во что бы то ни стало попасть на второй этаж. Через знакомых моих знакомых мне удалось заручиться помощью работавшего раз в несколько дней администратора ресторана Василия Дмитриевича. Так я попал в ресторанный «зал обетованный». В дальнейшем я ходил туда именно в дни, когда мой благодетель не работал, и каждый раз небрежно спрашивал у входа: «Что, сегодня Василия Дмитриевича нет?» Срабатывало безотказно, хотя я и по сей день подозреваю, что мой безупречный по тем временам костюм и убедительно сыгранная уверенность в себе служили доказательством для мелких кагэбэшников того, что я «что-то знаю» - попросту говоря, работаю в одной с ними конторе. Что ж, у них тоже, видимо, случались проколы. Главное, что игра стоила свеч! В ресторанный оркестр входили асы московского джаза: пианист Коля Капустин, тромбонист Костя Бахолдин, саксофонист Алеша Зубов, трубач Андрей Товмасын, басист Адик Сатановский. К ним часто присоединялся замечательный саксофонист Жора Гаранян. Играли фантастически. Иностранцы слушали музыку очень серьезно. О танцах не могло быть и речи. В пятнадцатиминутных перерывах между «сетями» Коля Капустин, который был тогда студентом московской консерватории, пианиссимо наигрывал своего любимого композитора Рихарда Вагнера. Этот Вагнер и вечера, проведенные в «Национале», остались в моей памяти на всю жизнь.

- Мы так или иначе говорим о времени «оттепели».

Как вы почувствовали, что началась «оттепель»?

- А в Грузии ничего не менялось – здесь как не верили в советскую власть, так и продолжали не верить, как не любили Сталина, так и продолжали его не любить. Ларчик открывается просто: грузины по натуре – изумительные артисты. Они умеют так играть роль, что никто не прервется. И они играли, хотя никогда не верили ни в коммунистическую идею, ни в коммунистическую партию. Я никогда не был диссидентом. Видимо, был недостаточно храбр. Есть политическая кухня и есть кухонная политика. Я больше занимался кухонной политикой, хотя

и внешне, и внутренне я всю жизнь был активнейшим противником Советского Союза, компартии, этой власти. Меня исключали из комсомола, придумав причину, что я сломал собственную скрипку, чтобы не ходить на репетиции симфонического оркестра университета. Это был цирк. Я просто их не устраивал. И я знал об этом. Я никогда не был членом партии. Меня таскали в КГБ... Знаете, что меня сейчас очень раздражает? Большое количество моих знакомых всерьез говорят, что они никогда не были членами компартии. Это меня просто бесит. Они, которые прислуживали этой власти, этому режиму, размахивали флагами и лезли за обедками с царского стола... И сейчас, когда говорят о люстрации, надо понимать, что многие, сидящие и в правительстве, и в высших научных кругах, были связаны со спецслужбами. И прав был Звиад Гамсахурдия, который всюду видел кгбэшников. Хотя Гамсахурдия, конечно, не был политиком, это было не его дело. Кстати, в Москве мы со Звиадом все время вместе ходили на концерты симфонической музыки. В Московской консерватории в ту пору учился мой тбилисский приятель – впоследствии известный грузинский пианист и композитор, ректор Тбилисской консерватории Нодар Габуния. Нодар пригласил нас на концерт в Малый зал, где он со своим другом и однокурсником Капустиним и ударником должны были исполнить сонату для двух фортепиано с ударными инструментами практически запрещенного в те времена в СССР Бела Бартока. Когда мы подошли к зданию консерватории, дверь в зал оказалась заперта. На маленьком листке бумаги было написано объявление, что концерт отменяется. Позже Нодар рассказал, что ректор консерватории Свешников пришел в негодование, узнав о намерении молодых музыкантов сыграть произведение крамольного венгерского композитора, и запретил проведение концерта. Кстати, как ни странно, любимым композитором Звиада Гамсахурдия был Брамс.

- А должен был быть Вагнер?

- Нет, не в этом дело. Просто я не думаю, что кто-то у нас во власти сейчас вообще знает, что такое Брамс. Мир вообще катится в тартарары, и чтобы все исправить, нужно очень много времени. Я не поклонник Валерии Новодворской, но у нее есть хорошая фраза: «Слияние интеллигенции с правительством было бы залогом если не правового, то хотя бы правильного государства».

- Как вы пришли на радио «Свобода»?

- Случайно.

- Есть мнение, что случайностей не бывает, любое стечение обстоятельств происходит к нужному моменту.

- Знаю! Но ведь нужно попасть в эти обстоятельства и в этот момент. Знаете, однажды после концерта к Рахманинову, одному из трех гениев всех времен (наряду с Листом и Бернштейном), которые были и пианистами, и композиторами, и дирижерами, за кулисы пришли восторженные зрители: «Сергей Васильевич, как вы сегодня играли!» Он помолчал и сказал: «Совпало». В Москве, в бытность мою аспирантом, у меня была приятельница - Наталья Урбанская. Прошло много-много лет. Часто, включая радио «Свобода», я слышал: «У режиссерского пульта Наталья Урбанская». Мне это ни о чем не говорило, я и не думал, что это та самая Наташа. А потом она разыскала меня сама, и прислала приглашение к себе в Мюнхен. Я поехал и провел у нее и ее замечательного мужа в гостях две недели. И в один прекрасный день она предложила мне вместе с ней пойти на радиостанцию. Это был 1994 год, всем было интересно, что происходит в Грузии, я только и ходил из редакции в редакцию и раздавал интервью. Там я познакомился со знаменитым правозащитником Тенгизом Гудава, с Марком Смирновым, Львом Ройтманом, Иго-

рем Померанцевым... И мне предложили работать для радиостанции в качестве корреспондента в Тбилиси. Я начал с ними сотрудничать, и с 1994 -го года я оказался на «Свободе».

- Вы оказались на свободе. Хорошая игра слов.

- Да, я это даже использовал в каком-то своем стихотворении. Со временем я стал делать не только репортажи, но и художественные передачи. И с 2003 года, когда я оставил ГПИ, профессионально занимаюсь только журналистикой. У меня еженедельная музыкальная передача на грузинской «Свободе». А на русской «Свободе» я пишу колонку обозревателя, блоги. Так и работаю. Могу напомнить, что в течение восьми лет я работал на первом канале Грузинского телевидения, вел музыкальную передачу, которая сначала называлась «Только шоу-бизнес», а потом «Не только шоу-бизнес», потому что мы расширили формат и говорили и о классической, и о джазовой музыке. В 1989 году в Тбилиси состоялся джаз-фестиваль. Такого фестиваля ни на советском, ни на постсоветском пространстве не было. И в течение 11 дней я был ведущим этого фестиваля.

- Несмотря на абсолютно классическое музыкальное образование, вы очень любите джаз. Вы сами пришли к джазу или вас кто-то привел?

- Сам. Меня вообще никто никуда не приводил. Мы были очень дружны с Гией Канчели. И он тоже страшно увлекался джазом. С этого все и начиналось. Часто мы запирались в классе консерватории, и Бидзина Квернадзе так играл джаз! Вот кто действительно фантастически, феерически талантливый человек, да еще и с феноменальным чувством юмора. Но, как все кахетинцы, он безалаберный.

- А кто сегодня входит в первый круг ваших друзей?

- Мы были очень близки с Вахушти Котетишвили, я сделал о нем много передач. Он был великолепен. Какие у него переводы русских поэтов – Гумилева, Ахматовой, Мандельштама! Это же музыка в поэзии! Он умел поймать глубину русского стихотворения. А как замечательно он читал... Я очень дружил с Леваном Хаиндрава - писателем, эмигрантом, который жил в Харбине. У меня очень теплые отношения с Нодаром Андгуладзе – какой талант!

- Я так понимаю, что в людях вы цените талант и порядочность.

- Конечно. И порядочность, пожалуй, больше, чем талант.

- В общем, в вас лирик победил-таки физика?

- Конечно. Вариантов иных не было. Лирик изначально был победителем. Просто в течение тридцати лет физике приходилось зарабатывать себе на жизнь.

- В начале нашей беседы Вы сказали, что в ответ на мои вопросы надо писать книгу. Мне остается пожелать вам именно этого.

- Я не человек пера. Пишу я тяжело. Мне мешает дотошность научного работника, и я могу до бесконечности переделывать уже написанный текст. Я человек живого слова – только дайте микрофон.

С Тенгизом Гудава. 1990-е

Одним из первых корифеев мировой оперы на предложение Пааты Бурчуладзе посетить Грузию откликнулся знаменитый итальянский баритон Ренато Брузон. Он впервые выступил на сцене Тбилисского театра оперы и балеты в рамках фестиваля «Браво» в апреле 1998 года, спев в операх «Риголетто» и «Отелло» Джузеппе Верди. Вместе с признанными певцами спела и начинающая оперная певица из Батуми Тамара Джавахишвили. Король баритона Ренато Брузон отметил, что у молодой грузинской певицы очень красивый голос, и по его рекомендации вскоре она отправилась в Италию на стажировку и покорять сцену Ла Скала...

В нынешнем году традиционный Оперный бал, проводимый в Венском государственном оперном театре с 1877 года и считающийся главным событием сезона в Австрии, открыла сопрано Тамар Ивери (Джавахишвили). Она исполнила арии и дуэты из «Евгения Онегина» вместе с мексиканским тенором Рамоном Варгасом.

Ренато Брузон высоко оценил и другую нашу соотечественницу. В 2007 году воспитанница тбилисской музыкальной школы для одаренных детей Анна Касьян, проживающая сегодня в Париже, выступила в Италии на конкурсе Rossa delle Mascie. Жюри под председательством Брузона назвало Касьян одной из победительниц конкурса.

Брузон родился в 1936 году, неподалеку от Падуи. Рано потерял мать. В Италии было сложное время, отцу было трудно содержать семью и Ренато пришлось пойти работать. О карьере певца он не задумывался, хотя от матери унаследовал любовь к музыке. К счастью, в нем разглядели большой талант, и назначили стипендию, после чего он смог учиться в консерватории Падуи в классе Елены Чериати.

Брузон как певец дебютировал в опере Дж. Верди 12 сентября 1961 года в Новом театре Сполето, в одном из древних городов Умбрии. Его первая партия – граф ди Луна в «Трубадуре» оказалась успешной. Спустя годы Ренато Брузона признают лучшим баритоном вердиевского репертуара и он будет участвовать в торжествах театра Ла Скала в честь Верди. Всего же спел более в двадцати операх Верди. Любопытно, что у самого композитора тоже был баритон, и большинство его самых впечатляющих партий рассчитаны для баритона. Брузон продолжает лучшие традиции итальянской оперной школы. Он очень многогранный певец, с незаурядным драматическим даром. Его академическое исполнение – эталон для оперных певцов.

Первые значительные успехи связаны с исполнением опер Газтано Доницетти. В 1969 году состоялся его дебют в партии Энрико в «Лючии ди Ламмермур» в Метрополитен-опера. В 1970 году он знакомится с молодым флорентийским дирижером, который позже приобрел мировую славу, Риккардо Мути. Первая их совместная работа состоялась во Флоренции в спектакле «Бал-маскарад». На Эдинбургском фестивале 1972 года певец

КОРОЛЬ ВЕРДИЕВСКОГО РЕПЕРТУАРА

исполнил партию Эзю в опере Верди «Атила», в том же году дебютировал на сцене Ла Скала в «Линде ди Шамуни» Г. Доницетти. Тот сезон оказался богатым на события. Самый престижный театр страны возглавил социалист Паоло Грасси. Коллектив театра возвысил свой голос против фашистских выпадов, провокаций – провел антифашистский концерт, пригласив 3 тысячи рабочих.

В том же сезоне театр продал больше абонементов и заработал больше денег, чем раньше, и все спектакли прошли с аншлагом. Выступление на сцене в Ла Скала для многих певцов тогда было недоступным, так как конкуренция была очень высокой, а для итальянцев признание миланской публикой расценивалось как окончательная победа.

«Дебют в Ла Скала для меня был волнующим событием, принесшим большой опыт. Но я не принадлежу ни одному театру. Никогда не подписывал контрактов с театрами. После завершения спектакля я отправляюсь работать в другой. Люблю общение со зрителем разных театров. У меня нет также одной любимой партии

– сегодня Яго, завтра Риголетто... Главное для меня неизблемость шедевров Верди. Я – противник свободно обращения с произведениями, и всегда стремлюсь следовать замыслам композиторов», – сказал мне в интервью Ренато Брузон.

В 1976 в Ковент-Гардене Брузон триумфально выступил в «Бал-маскараде». Через шесть лет блеснул в партии Фальстафа в Сан-Франциско, часто выступал на фестивале «Арена ди Верона», на Зальцбургском фестивале, в Венской опере и т. д.

В течение полувека обошел ведущие сцены мира, удостоился многих престижных премий в т. ч. «Премии Интернационале Иллика» и титула «Камерный певец» в Венской «Штаатсопер»... Он неоднократно был триумфатором Ла Скала, Венского оперного театра, Метрополитен-опера, сцен Лондона, Токио, Сан-Франциско, Цюриха...

7 декабря 1998 года в театре Ла Скала торжественно встречали Ренато Брузона, он выступил в заглавной партии в «Макбете» Верди, которую пел 400 раз. Впервые в истории Ла Скала подобное торжество происходило с участием певца, который исполнял значимую партию в возрасте 62 лет.

Брузон гастролировал в нескольких странах бывшего Советского Союза. В 80-х его пригласили в Москву. До приезда в Грузию выступал в Киеве на концерте, посвященном 200-летию со дня рождения Г. Доницетти, который состоялся при поддержке посольства Италии в Украине.

25 февраля 2005 года итальянский певец предстал перед ереванскими слушателями в концертном зале имени Арама Хачатуряна. Концерт посвящался 90-й годовщине Геноцида армян. Певец выступил в сопровождении Государственного филармонического оркестра Армении (дирижер - художественный руководитель Эдуард Топчян). Тогда Брузона принял Президент Армении Роберт Кочарян. Певец обещал вновь приехать в Армению, чтобы более детально ознакомиться с народными традициями и историческими памятниками страны.

Певец много работает, гастролирует. Если проводит сольные концерты, то лишь совместно с симфоническим оркестром. По его словам, у него не хватает как времени, так и терпения для педагогической работы. Хотя в судьбе ряда звезд оперного искусства маэстро принадлежит определенный вклад. «Самое главное иметь красивый голос и трудолюбие. Проблема многих молодых певцов заключается в том, что добившись успеха, они перестают совершенствоваться, и через десять лет обнаруживают, что у них уже нет красивого прежнего голоса. Поэтому всегда следует помнить, что недостаточно много работать в молодости, очень важно работать с педагогом, с которым будет полное взаимопонимание. Хороший учитель может быть хорошим для одного, но для другого он может и не подойти. К каждому нужен свой подход, ведь музыка – это не математика», – говорит Брузон.

Естественно, в карьере каждого артиста всегда бывают сложные периоды. Как же с ними справляется маэстро? «Артисты находятся под постоянным стрессом. Такие ситуации преимущественно бывают во время подготовки нового спектакля, когда напряжение возрастает. Вне театра я не думаю о работе, я обычный человек, как и все. У меня есть увлечения, люблю бывать на природе, читаю. Я нумизмат, у меня интересная коллекция монет. Как истинный итальянец коллекционирую и хорошие вина. Люблю изучать кухни народов мира», – делится с нами маэстро.

В Тбилиси он завоевал зрителя силой своего драматического исполнения. Во время репетиций, оттачивает все до мелочей, чувствует нюансы роли. Он спел пар-

тии Яго и Риголетто из своего вердиевского репертуара. «Обе партии в оперном искусстве считаются сложнейшими. Для певца и актера исполнять отрицательные роли даже интересно. Но если Яго до конца произведения неизменен, Риголетто – двоякая личность. Он злой циник, в то же время до фанатизма любящий отец. Исполнение этих партий требует много нюансов. Для баритона у Верди максимальные возможности для реализации требований партии», – говорит певец.

Итальянский режиссер, президент фестиваля «Счастливого Рождества, Рим» Энрико Кастильоне, снявший фильм «Тоска» с участием Брузона, говорит: «В течение моей работы продюсером и режиссером у меня часто была возможность сотрудничать с певцом. И каждый раз наш концерт становился событием, и более в широком смысле этого слова, которым сейчас слишком злоупотребляют. Впрочем Брузон, вне сомнений, лучший баритон нашего времени». Певец помимо фильма «Тоска», который вышел на экраны в 2001 году снялся и в других картинах: «Паяцы», «Сельская честь» (1982), «Набукко» (1987), «Корсар» (2004).

С грузинским певцом Паатой Бурчуладзе Брузона связывает давняя дружба, они познакомились в середине 80-х в Ла Скала. Оба были заняты в опере «Набукко» Верди.

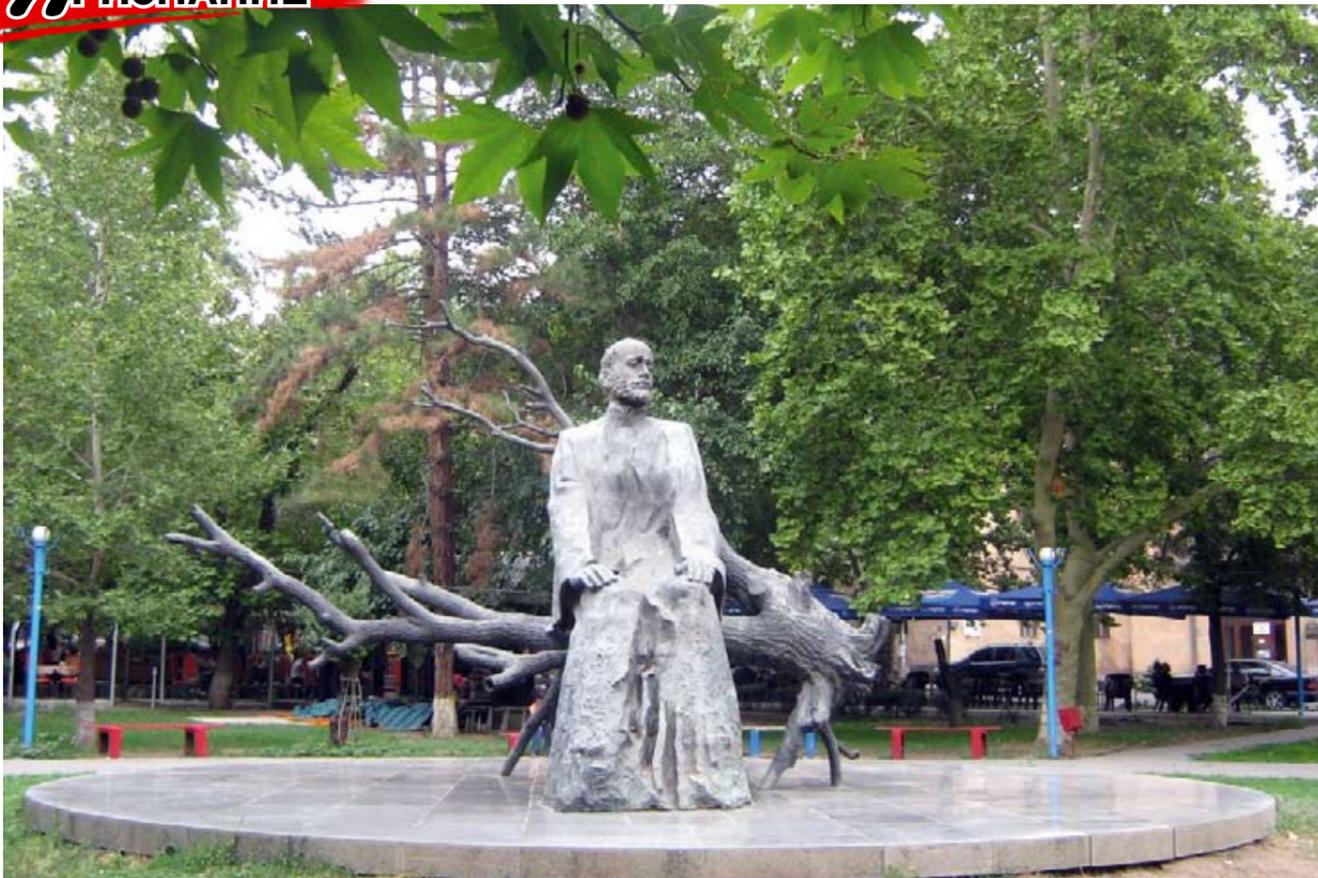
У нас была возможность познакомиться и с супругой певицы Титой Тегано, которая очаровала при общении. Их брак сорок лет, и синьора Тита сопровождает супруга почти во всех гастроях. Она специалист истории античного искусства, окончила факультет классической филологии, затем училась в Академии искусств, автор нескольких книг, две из них посвятила блистательной карьере супруга. После десятилетней преподавательской работы в университете стала работать в театре. Создала много красивых оригинальных костюмов для оперных постановок. Одна из работ посвящена истории костюма, где приведено четыре тысяч терминов. Одна из последних книг посвящена Марии-Луизе Австрийской – дочери императора Священной Римской империи Франца II и племяннице Марии Антуанетты. Наполеон женился на Марии-Луизе после развода с Жозефиной Богарне. «Я воссоздала и один из ее нарядов – роскошное голубое платье. Голубой был любимым цветом императрицы. Книгу о жизни герцогини Пармы, каковой стала впоследствии бывшая императрица, спонсировал бизнесмен из Пармы».

Судьба подарила Тите Тегано множество встреч с интересными людьми. «Мы очень счастливы с Ренато. В течение многих лет я посетила множество стран, познакомилась с интересными людьми, оказавших большое впечатление, и это большое духовное богатство. Я сохранила о Грузии самые приятные воспоминания. Здесь удивительный зритель, хорошо знакомый не только с музыкальным миром Верди, но и в целом с итальянской музыкой. Мы с Ренато будем рады вновь встретиться с грузинским слушателем», – сказала Тита Тегано на прощание.

Ренато Брузон с супругой Титой Тегано

Миранда ОГАНЕЗОВА

Памятник Комитасу. Ереван

Теона Казишвили

Эрнст Аракелов

Теона с маэстро Мануэлом Дзиганте

КРУНК ПРИЛЕТЕЛ В АРМЕНИЮ

В мае нынешнего года в Гюмри прошел международный конкурс-фестиваль «Возрождение», посвященный 140-летию со дня рождения классика армянской музыки Комитаса. Организованный Министерством культуры Республики Армения, гюмрийским филиалом Ереванской консерватории им. Комитаса и Фонда «Пюник» под патронатом супруги президента Риты Саргсян, он стал событием музыкальной жизни. Участники – около 700 музыкантов – соревновались в номинациях: пианисты, струнные и духовые инструменты, народная музыка и вокал. Конкурсанты выступали в различных возрастных группах от 10 до 28 лет, и в каждой наградой за победу был Гран-при.

Скрипачка из Тбилиси, ученица Центрального музыкального училища имени Захарии Палиашвили Теона Казишвили была удостоена приза за лучшее исполнение произведения Комитаса – обязательное условие творческого соревнования. Ей вручен также диплом Гран-при среди струнных инструментов.

Быть лучшей исполнительницей музыки Комитаса дорогого стоит. Теона сыграла «Крунк» – песню о журавле, что летит высоко в небе на чужбине. «Крунк! Куда летишь?! Крик твоих слов сильнее! Крунк! Из стран родных! Нет ли хоть вестей?» Но молчит журавль, ничего не отвечает, лишь устало машет крыльями и исчезает в небе.

Подготовил Теону к конкурсу ее педагог профессор Тбилисской консерватории им. Вано Сараджишвили Эрнст Аракелов, с которым мы беседуем.

«Теона Казишвили обратила на себя внимание жюри

и публики уже на открытии, исполнив «Китайский тамбурын» Крейсера, потом были Сарабанда и Жига Баха, вторая и третья части Концерта для скрипки с оркестром Хачатуряна. Она очень способный музыкант. Так, в музыке Хачатуряна она точно передала замысел автора, а я знаю, чего он добивался».

И Эрнст Вагерович вспомнил время своей учебы в Ереванской консерватории. «Я был аспирантом, когда в 1963 году приехал в Армению Арам Ильич. Мой педагог профессор Грачья Богданян попросил его послушать меня. Я играл скрипичный концерт Хачатуряна!»

Мой собеседник приобщился к музыке перед началом Великой Отечественной войны, когда дядя, Сурен Аракелов, купил пианино. Заметив интерес мальчика к музыке, мать решила показать его профессиональным музыкантам. Семья жила тогда в Баку, и концертмейстер Бакинского симфонического оркестра Михаил Владимирович Рейтхис настоял на том, чтобы мальчик занялся игрой на скрипке. В Бакинской консерватории его наставником стал блестящий педагог Александр Наумович Амитон.

В пятидесятых годах Новосибирск по праву считался столицей Сибири. В числе преподавателей туда направили А. Амитона. Взять с собой ученика он не мог, а потому попросил своего преподавателя, выдающегося педагога Московской консерватории Абрама Ильича Ямпольского заниматься с талантливым юношей. Положительно решился вопрос с общежитием. Но внезапная смерть А.И. Ямпольского спутала планы.

И вот снова воля providения. В апреле 1957-го Азербайджанский симфонический оркестр под управлением Ниязи едет на гастроли в Армению. В его составе среди приглашенных музыкантов и Эрнст Аракелов. Он оказывается на прослушивании у профессора Г. Богданяна, который берет его в свой класс.

Успешно складывается исполнительская карьера.

Э.Аракелов – концертмейстер симфонического оркестра Армении, занимается преподавательской деятельностью.

Сольные концерты в Тбилиси. Ректор консерватории, композитор Сулхан Цинцадзе, узнав, что супруга Аракелова, уроженка нашего города, преподаватель по классу фортепиано Мери Сергеевна Шугарова, приглашает его поработать в Тбилиси. С 1 сентября 1970 года Э. Аракелов педагог кафедры струнных инструментов. Тогда же он работает в музыкальной школе-десятилетке им. Захария Палиашвили.

Приехав работать в Тбилиси, Аракелов намеревался остаться здесь лет пять, но так сроднился с городом, что не оставил его и своих учеников в самые трудные годы, когда не было света, газа. И очереди за хлебом, и практическое отсутствие зарплаты. Уехать означало для него предать город, дело, которому он служил, своих учеников. И вот семья переезжает в Москву, а ее глава остается со своими воспитанниками.

В числе учеников Э. Аракелова лауреаты международных и республиканских конкурсов Натия Мдинарадзе, Марианна Асриева, Александр Хатискаци, Гиви Насаридзе, Нино Давиташвили...

А теперь вот юная звездочка – Теона Казишвили. Девочка росла в семье, где не было профессиональных музыкантов. И учиться пошла в обычную 164-ю среднюю школу. Но на уроках по искусству педагог Нино Гоголишвили играла своим воспитанникам на скрипке, учила слушать музыку, она же посоветовала показать Теону педагогам музыкальной школы-десятилетки, в стенах которой учились самые известные грузинские музыканты. Сегодня Теона говорит, что скрипка стала для нее другом, с ней она делится своими переживаниями.

На счету юной скрипачки не только большая победа на конкурсе имени Комитаса. Летом прошлого года в

Тбилиси приехал итальянский дирижер Джанпаоло Прето, прослушать молодых музыкантов – учащихся школы-десятилетки и студентов консерватории. В числе отобранных музыкантов Теона отправилась во Флоренцию – играть в молодежном оркестре Италии. Занимался с ними концертмейстер оркестра Ла Скала, а также дирижер Николай Пасковский. Молодой коллектив выступил с гастроями под управлением дирижера Лондонского симфонического оркестра Джефри Пейта.

В январе этого года маэстро Прето вновь приехал в Тбилиси, на этот раз – с молодыми итальянскими музыкантами, исполнителями на духовых инструментах. Вместе со своими ровесниками одной из первых приглашена Теона Казишвили. Так был создан Молодежный оркестр Грузии им. Захария Палиашвили. В своем выборе Теона определилась – в этом учебном году она заканчивает школу и будет поступать в Тбилисскую консерваторию.

Лучших учеников профессора Аракелова отличает самая большая ценность – неповторимость художественного облика. И сам он отмечен вниманием, он – кавалер Ордена Чести. В канун семидесятилетия пришла телеграмма из Москвы: «Дорогой Эрнст! Кафедра скрипки Московской консерватории сердечно поздравляет вас с семидесятилетним юбилеем. Мы знаем вас как интересного яркого скрипача, опытного педагога. Вы внесли огромный вклад в дело воспитания молодого поколения музыкантов. Желаем вам крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов».

Профессора кафедры скрипки Грач, Яшвили, Кравченко, Богданян, Бочкова, Иванов».

В последнее время Э. Аракелов не занимается концертной деятельностью. Высокое профессиональное мастерство несут теперь по миру его ученики.

Марианна ХУБУА

Чабукиани. Это редкое артистическое счастье, когда на тебя ставит такой гений, как он. Впервые в истории хореографического училища Чабукиани сделал спектакль для выпускного вечера в расчете на наш курс. Он назывался «Соловей и роза» по сказке Оскара Уайльда. Я исполнял роль студента.

- Гия, как у вас складывались отношения с Чабукиани? Он ведь был человеком сложным...

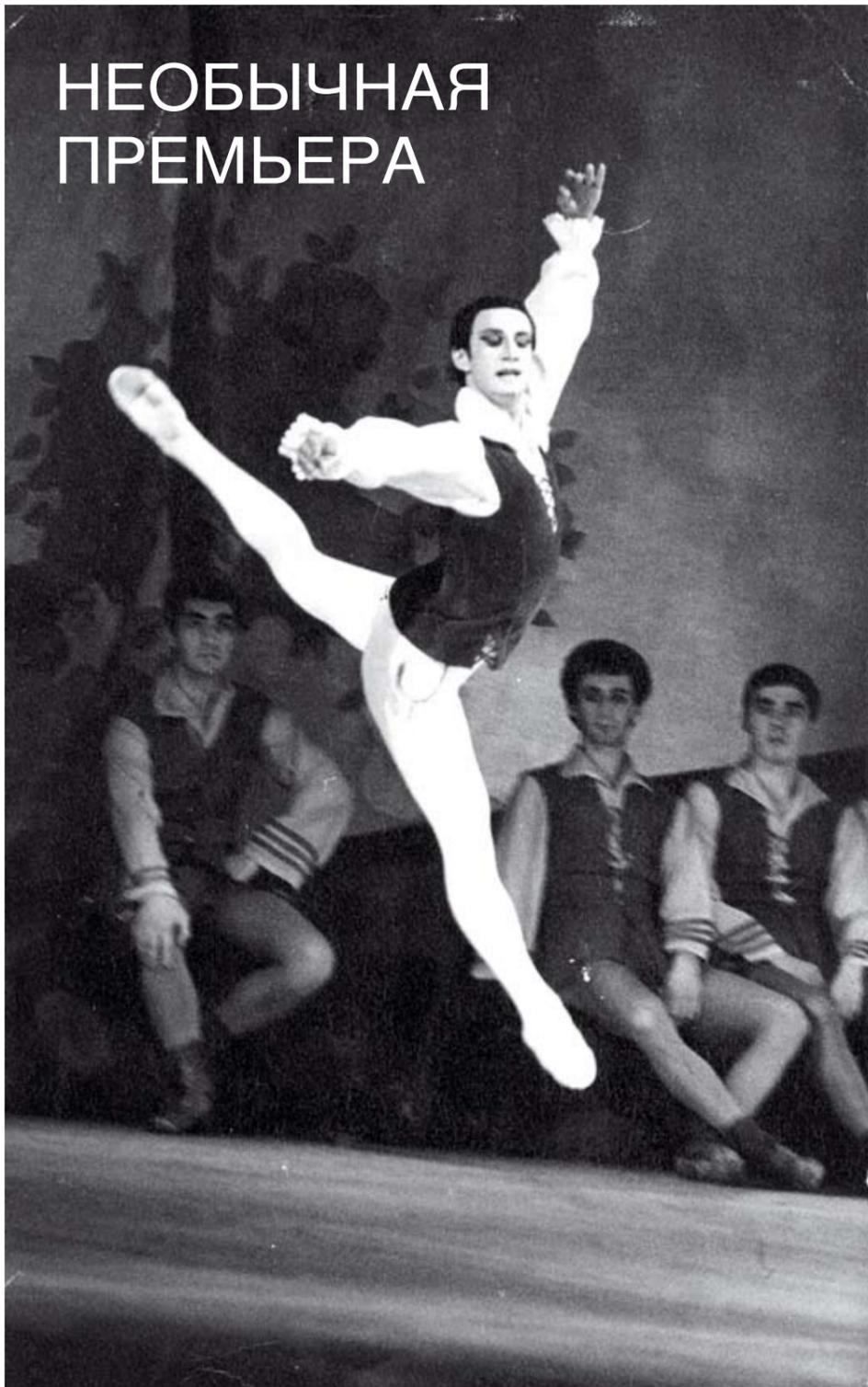
- Да, непростым. Что же касается наших отношений, то они были, я бы сказал, уникальными. Мне довелось

В «Театральном подвале» - необычная премьера. Необычная - потому, что с драматической сцены не звучит слово, а мысль и чувство выражены на языке жеста, пластики. То, что увидели зрители, не имеет отношения ни к искусству Мельпомены, ни к классическому балету или танцу модерн. Это - новый язык тела, обнажающий глубины подсознания. Сложнейший хореографический рисунок чем-то напоминает ритуальные движения и как бы относит нас к первоосновам природы человека. В соединении с логикой движений, динамикой мысли, выраженной через точную, экспрессивную пластику артистов Теоны Чарквиани и Рамаза Зурабашвили, произведение потрясает. Его понимают по-разному. Для кого-то «Болеро» отражает вечное движение, за которым следует неожиданный революционный взрыв, разрушающий его монотонность. Для других - генезис, процесс неуклонного развития.

Таково было мое первое впечатление от творчества талантливого хореографа **Гии Маргания**. Сегодня он не мыслит себя вне своей профессии.

- В детстве я готовился пойти на гимнастику, однако тетя предложила мне заняться балетом, заверив, что в хореографическом училище каждый день кормят шоколадом - чтобы воспитанники не поправлялись, - вспоминает Гия. - Тогда я очень любил шоколад, вот и попался на удочку... Прошел три тура: у меня оказались хорошие данные для того, чтобы стать танцовщиком. Меня сразу ввели в детский спектакль «Доктор Айболит». Пьянея от запаха кулис, оказавшись в столь юном возрасте в центре внимания, я навсегда заболел балетом, театром. Для меня поначалу все складывалось просто замечательно. Я был в центре внимания. Нина Аниашвили и я были единственными отличниками в училище. Потом Нина уехала в Москву... Я танцевал номера, сложные для моего возраста. К тому же я быстро вытянулся, что давало мне возможность исполнять более взрослые партии. Я стал учеником Вахтанга

НЕОБЫЧНАЯ ПРЕМЬЕРА

Сцена из балета «Детская симфония».

общаться с Чабукиани в последний период его жизни. Позади были молодость, ленинградский период, творческий расцвет, зенит, мировая слава, несколько трагедий: смерть племянницы, уход из театра - очень большая, непоправимая ошибка! Последние двадцать лет Вахтанг Михайлович в театре практически ничего не делал - восстанавливал свои старые спектакли, которые ему заказывало Министерство культуры. Хотя в его воображении всегда бурлили грандиозные замыслы. Последним большим спектаклем Чабукиани был «Гамлет». А вообще его последней работой стала «Аппассионата» Бетховена - постановка конца 79-начала 80 гг. Это был госзаказ к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. Я счастливый человек, потому что Чабукиани мне доверил в этом спектакле одну из ведущих партий. Когда ты учишься и танцуешь сольные партии, к тебе относятся снисходительно - ты еще студент. А когда ты приходишь в театр как член труппы, ты уже конкурент. Придя в театр, я, совсем еще мальчишка, за четыре месяца станцевал 13 сольных партий! Среди них - «Аппассионата», спектакль с ведущими солистами, народными артистами. Кому-то это не понравилось. К тому же мой приход в балетную труппу пришелся на период, когда Гоги Алексидзе ушел из театра. Назначили Мишу Лавровского, который проработал всего три года. За это время он не успел осуществить все свои замыслы. И потом, Лавровскому трудно было работать и в Москве, и в Тбилиси, и в то же время ездить в разные страны.

- В чем причина того, что ваша карьера танцовщика театра имени Палиашвили, столь успешно начавшаяся, в итоге так скоро закончилась?

- Четыре месяца в театре были для меня самыми счастливыми, а потом шесть с половиной лет я просто ничего не делал! Были моменты просто издевательства

- после сольных партий меня могли поставить в последнюю пару миманса оперного спектакля. Я не понимал тогда, что нужно вовремя уйти, радикально изменить свою жизнь. Просто меня так воспитали на многих примерах - человек, который имеет данные, должен танцевать! Думаю, в хореографическом училище необходимо не только развивать твой творческий потенциал, аппарат, но еще и характер воспитывать - ты должен быть воином.

- А вы - не воин?

- Я воином не был... И до сих пор не воин. Я фаталист. Я сам тогда не смог уйти из театра, но меня увела жизнь, воля Всевышнего. Я был вырван из этого вида искусства и вообще из прежней светской жизни - на два года меня призвали в армию. Причем попал я в Сибирь! Видел могилы декабристов, места их поселения в Читинской области, в Забайкалье. В новых обстоятельствах у меня была возможность проанализировать свою жизнь, и все стало на свои места. Я оказался в ансамбле песни и пляски Забайкальского военного округа. Познал много нового, давал уроки хореографии. Я прошел в этом ансамбле школу национальных танцев, танцев народов мира. Столкнулся с чисто народным мышлением в хореографии. Это было очень полезно. А после армии поступил в ГИТИС, на факультет режиссуры балета. Уверен, не будь этого самого тяжелого периода моей жизни в театре, не было бы и ГИТИСа. Я успел, оказался в последнем потоке поступивших в это учебное заведение до распада СССР.

- У кого учились?

- У Лидии Михайловны Таланкиной, супруги знаменитого кинорежиссера Игоря Васильевича Таланкина. Она окончила Тбилисское хореографическое училище, ее педагогом была Серафима Георгиевна Векуа, быв-

шая директором нашего училища. Танцевала здесь, была соратником, сподвижником Вахтанга Михайловича. Меня связывали очень теплые, дружеские отношения с этой семьей – Лидией Михайловной и Игорем Васильевичем. Он приходил на мои постановки, поздравлял, радовался моим успехам.

- *А уроки Чабукиани на этом этапе пригодились?*

- Прежде чем я стал учеником Вахтанга Михайловича, участвуя в спектаклях училища, я наблюдал за процессом его работы. Когда Чабукиани сочинял какой-нибудь номер, движение, комбинацию, то он обычно садился в кресло, закрывал глаза, начинал насвистывать и шевелить пальцами. Затем вставал и показывал номер, какие-то его моменты. После этого он снова садился, закрывал глаза, начинал насвистывать и шевелить пальцами. Я видел, что он мысленно ставит номер, а его пальцы танцуют. У Вахтанга Михайловича были прекрасные слух и память, и он мог безошибочно воспроизводить музыкальную канву. Еще я видел, как он репетирует с учениками, студентами. А когда это коснулось непосредственно меня, когда я стал его учеником, Чабукиани стал показывать мне то или иное движение, окультуривать мою физиологию, а потом уже доводить ее до определенного уровня, ставить, совершенствовать мой аппарат. Это был потрясающий и непередаваемый словами процесс. Помню, как однажды Чабукиани остановил класс и обратился ко мне... К стати, он тогда болел, с трудом ходил, редко что-то показывал – но когда хотел показать что-то особенное, то делал это непосредственно на тебе... В тот раз Вахтанг Михайлович подозвал меня и сказал: «Я научу тебя делать одно движение, которым ты поразишь весь мир!» К сожалению, весь мир я поразить не смог, но до сих пор делаю это движение совершенно спокойно, несмотря на то, что уже двадцать лет не танцую. Так что с Вахтангом Михайловичем у меня связаны только самые светлые воспоминания. Дружба с Вахтангом Михайловичем продлилась у меня и после окончания училища. На следующий год он вновь пригласил меня на выпускной вечер, где

интересно. Во-вторых, мне это заказывали в Москве. В ГИТИСе был такой предмет – наследие. В это наследие входило и творчество Чабукиани – в частности, его «Лауренсия». Меня просили фиксировать, изучать, как ставил непосредственно Вахтанг Михайлович, так сказать, первое издание, первый вариант. Консультируясь с балетмейстером, я брал у него разрешение и перенесил это в ГИТИС, где учатся студенты со всего мира. Это была пропаганда хореографии Чабукиани во всем мире – тут и Большой театр, и Мариинка, и балет США, Франции, Германии... В частных беседах мастер говорил мне о своей неосуществленной мечте – постановке «Фауста». Чабукиани хотел, чтобы для него сделали транскрипцию оперы Гуно, он полностью «видел» этот балет, мысленно, в воображении поставил его. Думаю, мы потеряли один из интереснейших спектаклей выдающегося хореографа. Вахтанг Михайлович рассказывал мне о своем замысле, идее. Он видел классический балет в соединении с культурой хиппи. У Чабукиани получился бы потрясающий Мефистофель, интересна была бы вся любовная сторона...

- *Наверное, излишне спрашивать, не жалеете ли вы о том, что так скоро перестали выступать как танцовщик?*

- Как ни странно, раньше, когда я выходил к зрителям, то делал больше, чем в репетиционном зале. На сцене все становилось ярче, выпуклее. Сцена давала мне легкое дыхание, вдохновение, импульс. Если до выхода на сцену я готов был переодеться и уйти, то, выйдя к публике, уже не хотел ее покидать. Чувствовал единение с залом. Несмотря на то, что танцевал, к примеру, не ведущую, а сольную партию, я все равно оказывался в центре внимания. Так у меня было в «Лебедином озере», когда я танцевал партию Шута и становился фактически главной фигурой спектакля. А когда я ушел из театра, у меня внутри словно что-то отрезало. К стати, Нина Ананишвили приглашала меня сыграть одну из пантомимных партий – в балете «Тщетная предосторожность» бабушку по традиции должен играть мужчина, но я отказался – просто не смог бы выйти на сцену.

- *Но вы не так давно вышли на сцену – в драматическом спектакле «Дама с собачкой» в театре Марджанишвили. Как драматический артист, куколовод.*

- Знаете, что со мной произошло? Родилось желание, острая потребность играть в драматическом спектакле, даже с текстами. Я захотел написать для себя пьесу. Я благодарен Левану Цуладзе за возможность сыграть в его спектакле. А еще я вижу себя в постановке «Буря», в роли Ариэля. Этот образ я представляю в пластике. Хотел бы также выступить в спектакле «Сон в летнюю ночь» - тоже в пластическом решении. Мечтаю создать пьесу о последнем периоде

жизни Вацлава Нижинского – здесь я выступил бы в качестве актера, а артисты балета станцевали бы в партиях этого выдающегося танцовщика. Я именно так представляю этот спектакль.

- *А почему мы не видим ваших новых авторских постановок?*

- Нет нужных мне исполнителей. Была у меня та-

кая экспериментальная работа – «Мой Шекспир». Впервые в Грузии драматические актрисы только пластическими средствами передавали роли шекспировских героинь. Я ввел мужской персонаж, который становится обобщенным образом шекспировского Шута. По моему замыслу, артистки, одетые в униформу, снимали с манекенов какие-то детали одежды, надевали на себя и становились шекспировскими героинями – Катариной, Офелией, леди Капулетти, Клеопатрой, Гертрудой... Потом, снимая одну деталь, они поочередно надевали ее на героя спектакля, и он становился партнером для каждой. Для Катарины – Петруччио, для Гертруды – Гамлетом... Пройдя через все женские образы и оставшись один, увешанный разными деталями, он становится обобщенным образом Шута, который сходит с ума и умирает. В моем спектакле происходило смещение миров – на месте, где были манекены, стояли драматические актрисы, прошедшие через шекспировские страсти, а в той части сцены, где они сидели прежде, валялись манекены. Не было произнесено ни одного слова – все мысли, чувства передавались через пластику. Позднее я хотел сделать то же самое, но с мужскими образами Шекспира, но не нашел актеров с такой пластикой.

- *А как вообще вы попали в драматический театр?*

- Совершенно случайно. Время учебы в ГИТИСе было для меня очень счастливым периодом. Я был вхож в Большой театр, работал с Илзе и Андрисом Лиэпа, Людмилой Семенякой, Надеждой Павловой, Юрием Посоховым. Будучи студентом второго курса, ставил номера для звезд мировой величины. У меня сохранились записи репетиций с Андрисом Лиэпа, Юрием Посоховым. Юра, с которым меня связывают теплые отношения, до сих пор помнит мои номера - я был приятно удивлен, когда он не так давно показал движения, которые я ему когда-то ставил. Так что замыслы, которые у меня рождались в студенческий период, я воплощал в идеальном исполнении больших артистов. Я ставил «Гамлета» на Илзе и Андриса Лиэпу. Можете себе представить? Этим проектом позднее заинтересовалось английское телевидение, и мы должны были снимать этот спектакль в Эльсиноре. В нем было всего четыре персонажа. К сожалению, остались только записи наших репетиций и монолог, который мы смогли записать в Останкино. Увы, Андрис серьезно повредил ногу и распрощался с карьерой танцовщика. Таким образом, мой проект не осуществился, но я успел поставить для Андриса четырехминутный номер на музыку «Реквиема» Шнитке. Он имел большой резонанс. Во время известного путча его очень часто показывали в Москве. В этом номере была раскрыта тема, связанная с Иисусом Христом – знаменитая сцена в Гефсиманском саду. Музыка Шнитке совершенно потрясающая! А Илзе впервые в своей жизни станцевала па-де-де, которое я ей поставил, на творческом вечере, посвященном памяти ее отца. А какое это было событие в моей жизни, подумать только – Марис Лиэпа, Илзе Лиэпа! Илзе станцевала номер студента второго курса, на вечере, посвященном памяти выдаю-

С Вахтангом Чабукиани

щегося танцовщика XX века! Можете себе представить такое начало творческого пути? И вновь в силу обстоятельств я вынужден был вернуться в Грузию – у меня заболела мама...

Вскоре Дато Андгуладзе, который ставил в театре имени Шота Руставели «Палату № 6», предложил мне выступить в качестве хореографа спектакля. Это была моя первая встреча с драматическим театром. Я работал с Гурамом Сагарадзе, Мананой Сурмава, Нино Тархан-Моурави. Это было для меня чем-то совершенно новым, интересным, и я понял, что для меня наступил новый этап! А потом происходит нечто совершенно потрясающее – Леван Цуладзе предлагает мне принять участие в его проекте по Диккенсу – «Рождественский сон». Ему нужны были танцы, пластические сцены, персонажи, решенные в пластике. Потом к работе подключился Роберт Стура. Это был очень интересный процесс! В спектакле была занята талантливая молодежь, сложился очень интересный тандем Стура с молодой режиссурой. Позднее Стура пригласил меня в театр Руставели...

- *Сейчас вы сотрудничаете с театром Марджанишвили. Почему вы ушли из театра Руставели?*

- У меня не было никакого конфликта со Стура. Я ушел в тот период, когда он полгода находился в Москве – ставил «Гамлета». Когда я подал заявление об уходе, он требовал по телефону: «Верните мне Маргания!» Но что он сделал для того, чтобы я вернулся? Во время гастролей театра имени Шота Руставели в Москве критики отметили сценографию и хореографию спектакля «Женщина-змея». Между тем на афише моей фамилии даже не было.

- *Худрук марджановцев Леван Цуладзе дает вам большую творческую свободу?*

- Дело не в этом. Просто я сейчас совершенно свободен. Никого ни о чем не спрашиваю. Если мне хочется принять участие в каком-нибудь проекте, я это делаю.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Так все начиналось

я уже станцевал партию принца Дезире в «Синей птице». А когда я поступил в ГИТИС, то в свои поездки в Тбилиси обязательно встречался с Чабукиани. Во-первых, потому что мне всегда было с ним очень

МОРЕ АРОМАТОВ И ЖЕМЧУГА

СНАЧАЛА КРУЖИТСЯ ГОЛОВА. ПОТОМ, СВЫКНУВШИСЬ С НЕВООБРАЗИМОЙ СУЕТОЙ, ПОНИМАЕШЬ – ПРОИСХОДЯЩЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ НАЗВАНИЮ. Я – НА ВЫСТАВКЕ «ИНДИЯ – 2009. ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР», ДЛЯ ПОЛНОТЫ КАРТИНЫ НЕ ХВАТАЕТ ТОЛЬКО СНУЮЩИХ РИКШЕЙ И ТРУБЯЩИХ СЛОНОВ. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ – НАЛИЦО.

дийских товаров.

Торговец мебелью Раджеш рассказал, например, что все деревянные изделия, выставленные на продажу – от столов, зеркал и ширм до шкатулок и вешалок – ручной работы, из ценного палисандрового (розового) дерева. Причем стоят они здесь вдвое дешевле, чем обычно.

Под звуки индийской музыки от прилавка к прилавку перемещались многочисленные покупатели. От дизайнерской одежды к ароматическим маслам и палочкам, от чудо-ножей и прочих кухонных принадлежностей к коврам ручной работы, от прилавка с чаем к роскошным кашемировым палантинам и облакам тончайших шелковых платков.

Впрочем простите за невольный каламбур, главным украшением выставки стали драгоценности. Здесь богатство индийских недр как земных, так и морских, представало во всем своем великолепии. Цены колебались от 3 лари (1,5 доллара США) до 300 долларов США. Бирюза, кораллы, ордоникс, аметисты, топазы, хризолиты, янтарь, сердолик, аквамарины, бриллианты – в серебре и золоте – и целое море жемчуга – белого, черного, розового. Выбор огромный.

На выставку приходили каждый за своим. Но, однозначно, все приходило за одним и тем же – уникальным кусочком Индии, который хотелось унести с собой.

Компания «A.N.S. Corporation», занимающаяся организацией международных выставок, главной задачей ставит популяризацию своей страны.

По словам ее представителя Сумита Сури, каждое подобное мероприятие – презентация Индии через товары, производимые ею.

«Мы уже не первый год организуем подобные выставки по всему миру. Примечательно, что большого успеха мы достигли в постсоветских странах. С удовольствием приехали в Грузию во второй, и уверен, не последний раз. Очень важно, что большинство компаний, представленных на выставке, уже работают в Грузии. Не говоря о том, что все они без исключения – лидеры индийского бизнеса и производства».

Господин Сури высказал предложение о проведении грузинской выставки в Индии, в первую очередь попросив привезти с собой отменное вино.

«Индия – 2009. Восточный базар» - тот редкий случай, когда довольными остались все. И торговцы, насчитавшие значительные барыши, и покупатели, тысячами посещавшие выставку каждый день.

Но все хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Поэтому на четырнадцатый день прилавки опустели, а «Восточный базар», как караван, продолжит свой путь дальше – в Армению, Белоруссию, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Южную Африку, Тринидад и Тобаго и Канаду.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

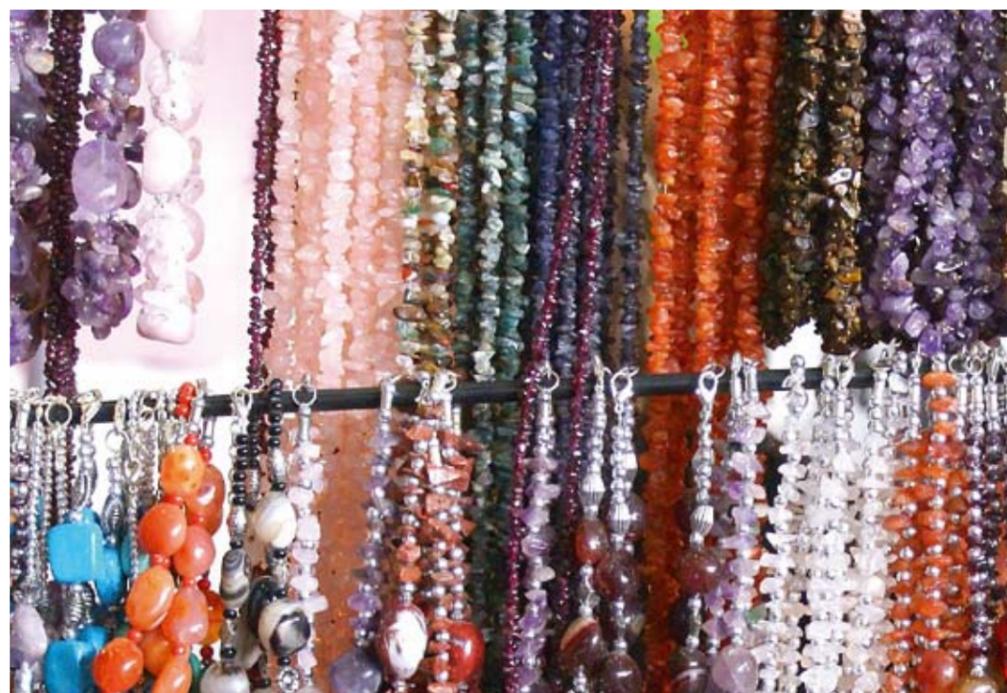

Подобная выставка в Грузии проводится во второй раз. Впервые она прошла в пятом, сравнительно небольшом павильоне выставочного центра «Экспо-Джорджия» весной этого года. На этот раз масштаб мероприятия значительно увеличился. Поэтому все многообразие индийских товаров расположилось в самом большом, одиннадцатом павильоне.

Обе выставки организованы по инициативе Посольства Индии и компании «A.N.S. Corporation». Как отметил первый секретарь посольства Индии Эм Джи Наггал, главная цель подобных международных выставок – деловые контакты между организаторами выставки и принимающей стороной.

«На сегодняшний день экономика играет одну из важнейших ролей в процессе мирового развития. Что, в свою очередь, позволяет все большему числу людей общаться и сотрудничать. Такого рода выставки, представляющие целую страну, очень важны для развития международной торговли. Индия ежегодно производит необозримое количество качественной и сравнительно недорогой продукции, популярной во всем мире. Сегодня мы представляем ее в Грузии, чтобы наладить контакты с местными бизнесменами и дистрибьюторами. Я думаю, что наша выставка обречена на успех, судя по количеству посетителей в первый же день», - сказал он.

Около пятидесяти компаний представили грузинскому покупателю целый калейдоскоп традиционных ин-

На выставке «Индия-2009. Восточный базар»

СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ

Начало года в латвийском городе Сигулда было отмечено праздником, посвященном 40-летию подвесной канатной дороге, соединяющей Сигулду с Кримулдой. И главными гостями на этом мероприятии были грузины из Чиатуры.

И возникает вопрос – как чиатурцы оказались в Латвии, что связывает Сигулду и Чиатуру. А связывает именно эта канатная дорога... Еще в далеком 1957 году, когда Сигулда праздновал свое 750-летие, гости из Чиатуры обратили внимание на горный ландшафт вокруг берегов реки Гауя.

Первый документ о сотрудничестве двух городов датирован 13 сентября 1957 года. И реальной материализацией этого договора стала подвесная канатная дорога. Объединив энтузиазм главы сигулдского коммунального хозяйства Айварса Янелситиса и опыт работников треста «Чиатурмарганец», для которых ПКД была главным видом транспорта с 30-летней историей в городе Чиатура, идею воплотили в реальное дело.

Автором проекта был опытный инженер по строительству подвесных канатных дорог, начальник проектного отдела треста «Чиатурмарганец» - Георгий Панцулая.

3 января 1969 года государственной комиссией был подписан Акт о пуске в эксплуатацию первой в Прибалтике Сигулдской пассажирской подвесной канатной дороги. Сегодня подвесной трамвайный вагончик стал символом города, он включен в туристические достопримечательности не только Латвии, но и Прибалтики. Ее длина – 1180 метров, самая высокая точка над рекой

Гауя – 43 метра, проезд из Сигулды в Кримулду занимает 3,5 минуты, а если пользоваться наземной дорогой, то ее протяженность около четырех километров и по времени она занимает не менее 40 минут. Не зря такая дорога считается экономной и удобной.

Еще во времена строительства ПКД считалось, что она будет туристической достопримечательностью города, поскольку красота природы Сигулды и долины реки Гауя с высоты особенно впечатляют. Были большие планы о превращении Сигулды в город канатных дорог. И зимой и летом эти дороги могут быть использованы для удобства как горожан, так и туристов. Но другие канатные дороги не были построены и сегодня единственная дорога Сигулда - Кримулда включена как туристический объект в проект, соединяющий города Ганзейского союза.

В Сигулде не забыли своих старых друзей из Грузии, в частности из Чиатуры. До сих пор в одном из районов латвийского города есть Чиатурская улица.

Инициаторами восстановления дружеских и деловых отношений стали чиатурцы. Осенью 2005 года ко мне, Почетному консулу Латвии в Грузии обратились представители Сакребуло Зураб Капанадзе и Мамука Гогатишвили.

За помощь в установлении контактов с Думой Сигулды, за сотрудничество как с Сигулдой, так и с Чиатурой осенью 2007 года я была выбрана Почетной горожанкой города Чиатуры.

Желание восстановить прежние дружеские отношения пришлось на подходящий момент – Министерством

иностраннных дел Латвии на 2006 год объявило конкурс на сотрудничество Латвии с Украиной и Грузией. Для этого был создано Агентство сотрудничества для развития. Сотрудники Думы Сигулды написали проект.

Значение этих первых контактов нельзя переоценить. Встретились люди, которые еще в 1957 году подписывали первый Договор о дружбе и сотрудничестве Иван Капанадзе и Айварс Янелситис. Осенью 2007 года на праздник города приехала большая группа из Сигулды, Айварс Янелситис и Иван Капанадзе встретились на открытии парка имени Сигулды в центре Чиатура.

Каждый раз, когда я принимаю гостей из Латвии, я им показываю эмблему города Сигулда в Чиатуре, а теперь и посещаем кафе «Сигулда». Последним таким гостем была моя рижская внучка Медея Скруле.

Новый Договор о сотрудничестве был

Гости «Чиатуробы» на открытии парка имени Сигулды

Первый проезд делегации из Сигулды

дниками Латвии, которые проводятся каждые четыре года. Грузинские пианисты дали концерты в концертном зале Сигулды «Белый флигель». В мае 2008 года играл Александр Гитман-Якобидзе. Летом 2009 года Латвия стала местом триумфа новой звезды из Грузии – Хатии Бунатишвили. Она - участница фестиваля оркестра «Kremerata Baltica» и в сентябре у нее сольный концерт в Сигулде.

Осенью 2006 года латышское общество Грузии получило в подарок народные костюмы региона Видземе и теперь может их продемонстрировать во время фестивалей малых народов Грузии, как это было 30 января 2009 года.

Грузия всегда была привлекательной страной для туристов и сегодня туристы из Латвии, в том числе и из города Сигулда, приезжают все чаще.

В августе 2007 года Сигулда отмечала свое 800-летие, и Грузия была представлена внушительной делегацией, с нами был Акакий Бобохидзе, губернатор Имеретинского края, мэр Чиатуры Мамука Гогиташвили, несколько сотрудников Сакребуло и молодежный танцевальный ансамбль. Латвия соскучилась по грузинскому искусству! Детский ансамбль не отпускали со сцены и вызывали на бис.

На этом празднике гости из Грузии приобрели много новых друзей, в частности, они подружились с делегациями гостей из городов-побратимов сигулчан - Литвы, Эстонии, Швеции, Германии, Шотландии и Дании. Оказалось, что с грузинами хотят дружить все. Реальным воплощением Договора о дружбе и сотрудничестве 6 апреля 2009 года стало знакомство с эстонцами. В Чиатуру приехала делегация из города Кейла под руководством мэра господина Танела Мойстус. Договор был подписан в присутствии Чрезвычайного и Полномочного Посла Эстонии в Грузии господина Томаса Лукк.

Чиатурцы пригласили на это событие и меня, и я благодарна за оказанную мне честь. Это меня еще теснее связывает с Имеретией и Чиатурой, поскольку я по происхождению имеретинка, мой супруг имеретинец и мой свежр много лет своей трудовой жизни отдал Чиатуре и Сачхере.

Дружба латвийского и грузинского городов - один из тех кирпичей, из которых складывается большая политика в современном мире.

подписан весной 2007 года и его подписали член Сакребуло Чиатуры Зураб Капанадзе (сын Ивана Капанадзе) и мэр города Сигулда Талис Пукитис. Этот момент даже зафиксирован на буклете города.

Новый договор предусматривает деловые отношения. Когда МИД Латвии одобрил проект Рижского политехнического института «Компьютерное образование во все самоуправления Грузии», среди районов, выбранных латышскими специалистами, была и Чиатура. На грузинский язык была переведена программа обучения работе на компьютере, которую в свое время разработали для Рижской Думы, и сейчас на дисках ее привезли в Грузию.

В интервью Латвийскому телевидению Лали Вашадзе, руководитель департамента проектов в Чиатурском самоуправлении, говорила о пятидневном курсе обучения и о самом диске с программой обучения на грузинском языке. В Чиатуре этот диск подарили школам и детскому дому.

Важной сферой сотрудничества стали обмены концертами танцевальных и певческих ансамблей. Грузинские ансамбли участвовали во многих певческих праз-

Регина ЯКОБИДЗЕ

«Белый крест»

Жан Хач. «Святой Георгий»

КАК ОЖИЛА ДЖОКОНДА

«Любовь должна быть счастливой - /Это право любви./Любовь должна быть красивой - /Это мудрость любви,» - заявлял поэт Серебряного века Саша Черный. А сегодня художник Жан Хач говорит: « Красота, Любовь, Мудрость – вот моя Троица. И это несколько не противоречит каноническому символу веры».

Вот как? Красота, Любовь, Мудрость?..

«Именно! В искусство не нужно идти с консервными банками – тем более с пустыми! Искусство – это тайна, чудесное излучение позитивной энергии. Конечно, нельзя сравнивать художников: кто больше дал миру?! Но можно любить своих избранников. Рембрандт для меня безусловен. Его полотна полны таинственности, свечения. Гений Леонардо да Винчи потрясает. Среди моих работ всегда висит «Джоконда». Я нашел ее третий глаз – в складке одеяния на сгибе левой руки. Я обнаружил крылья за ее спиной. Естественное крыло написано как пейзаж. Крыло механическое обозначено как нечто темное, необъяснимое. Любуясь Джокондой, я увидел и самого Леонардо. Присмотритесь к контурам: кисти его рук на ее левом плече, нос, губы сбоку, на фоне пейзажа... Джоконда уникальна. В ней заложено больше, чем мы можем вообразить. Ее можно изучать бесконечно

– и всегда останется еще что-то невыявленное. Однажды в общество шести решительных человек я «крутил тарелочку». Не очень благочестивое занятие, так можно привлечь и нехорошую энергетику. Но нам повезло. Пришло что-то необыкновенное и Джоконда оживла. То есть мы все увидели ее с трепещущей улыбкой, живую... Никакой это не портрет самого автора! Глупости!.. Джоконда – символ преклонения Леонардо перед женщиной как высшей радостью жизни. Джоконда оживает для тех, кто способен понять тайну непрекращающегося движения, ценность искусства как накопителя высшей энергии, бессмертия созданного...»

В картины самого Жана Хача тоже можно вникать долго. Его работы предельно насыщены: символы разных эпох и народов представляют нам личность живописца и графика в непрекращающемся поиске подлинной взаимосвязи времен, культур и цивилизаций. Нагромождение деталей, которое у художника с меньшим талантом обернулось бы уродством, у Жана Хача выглядит восхитительно. Все творчество в целом отображает процесс рассеивания хаоса перед ликом гармонии Вселенной.

«Иногда мне ставят в укор нетрадиционность решения вопросов композиции, - отмечает Жан Хач. – Я ведь не заканчивал художественных академий! Но зато пишу искренне, так, как чувствую. А доверяю в вопросах жизни-искусства только безбрежности голубого неба – оттуда приходят творческие идеи. Несоответствие религиозным канонам, которые расходятся и у самих церквей, меня не пугает. Смелым владеет Бог! Я не верю, что Высшая Сила ограничивает мышление человека – люди сами себя ограничивают. Придумывают ничего не значущие перед Космосом правила, клянутся соблюдать. А как можно клясться или верить клятвам, если нет никакой статичности, есть вечное движение, в котором обстоятельства меняются и мы меняемся непрерывно?!

Вспомним слова Христа: «А я говорю вам: не клянитесь вовсе!»

В картине «Движение Библейских Вершин» заметны эти же слова-откровение. Бог-Отец на холстах Жана Хача предстает перед нами не только как Могущественный Творец, но и как Величайший Сочувствитель. Нас, то и дело увязающих в тенетах материи, нас, растерянных, очень жаль нашему Богу. Наши земные страдания – не Его вина, наша повседневная косность – не Его искушение. Самое главное, что нужно от нас нашему Богу – чтобы мы научились одухотворяться, а значит, быть божествами, преодолевшими тлен...

Друг художника Эдуард Месропян рассказывает: «В душе Жана так много неожиданного, нестандартного, удивительного. Вполне понятно, почему не всем легко его принять. Свое творчество Жан называет «светлым сюрреализмом». Точнее не скажешь! Сам он – светлый человек, который умеет даже в мелком и сиюминутном находить великое и возвышенное».

Аида Бабаджанова, знающая художника многие годы, отмечает: «Божественное начало – очень важная, а точнее, главная составляющая творчества Жана Хача. Его картины – вовсе не плач по утерянным ценностям (который сегодня все чаще звучит в творческой среде). Картины Жана – путь, на котором нет места унынию и скорби, путь, озаренный светом великой истины».

Но не стоит думать, что Жан пишет только некую отвлеченность. «Грации» в его мастерской плотски жизнерадостны, ярки и окружены пышными цветами, взращенными матушкой Землей. «Чрево» многодетной матери – символа творчества – неистощимо. «Тут есть и апостол Петр,» - отмечает Жан, указывая на одного из милостивых пухленьких малышей, изображенных на

которых Жан продавал в молодости.

В масштабных архитектурных проектах, в анимационном искусстве на киностудии «Арменфильм», в оформлении первых тбилисских джаз-фестивалей 70-80 годов (на Кавказе известна его эмблема «Труба-корнет»), в дизайне при сотрудничестве с российско-американской фирмой «Мир» (Москва) Жан Хач согласовывался в первую очередь с личным мироощущением.

«Иногда это ценили... Я привез «на-гора» - на конкурс, объявленный по инициативе Горбачева, - скульптуру на тему Великой Победы. Смешно подготовил: ни эскизов, ни проекта, сразу скульптурой привез! Идея была такова: космическая звезда в семь ярусов – на каждом величайшие события победоносной российской истории, ведущей от Ильи Муромца, Петра Первого, Суворова к героям Второй мировой войны... В Манеже я выиграл не официальный конкурс, а народный – это слаще! В телепередаче «Служу Советскому Союзу» простые люди давали интервью о впечатлениях от конкурса. Их восхитило то, как много параллелей можно найти в истории...

Люди – существа схематические. Мы описываем мир по схеме. Даже наши алфавиты и словари – условный код нашего коллективного сознания. Кириллица и латинь в этом смысле – воплощение мощи. Без направленного вектора «А» нет непрерывного продвижения. Я ценю симметрию и силу энергомагнита. Пирамиды хороши – страшно ровные! Гора Арарат – духовный магнит, возле нее иначе живут, чем там, где нет такого излучения. А Мтацминда – лучшее место Тбилиси, мощный магнит Грузии...

Есть еще великая классическая музыка: Бах, Бетховен, Верди, Чайковский...»

«Движение Библейских вершин»

картине «Чрево».

«Преклонение перед женщиной, - говорит Жан, - главное в моей жизни. Но я холост и бездетен. В браке нужно поступать искусством. Семья требует больших затрат, чем это может себе позволить увлеченный художник. Мне одному не нужно многого. Подрабатываю, не отвлекаясь от своего внутреннего мира. Сейчас прописываю рекламную этикетку к баночкам с орешками. Но это – пустяки. Настоящее уходит в картины и скульптуры, создаваемые в первую очередь для самого себя».

На полках шкафа ютятся глиняные гномы – из тех,

«Любовь»

Влияние классической музыки действительно ощущается в картинах Жана Хача. Краски смешиваются, перетекают друг в друга. Линии рисунка плавны. Темы, как в музыке, трудно передаваемы словами. В живописи Хача всегда присутствует источник ярчайшего света: то Белый Крест, то Божие Крыло, то нимб святого Георгия... В графике же силы света и тьмы противостоят, черно-белый конфликт завершается победой добра над злом.

Графическая «Невесомость» отрешена от заморочек технического прогресса. Мы видим человека, освобожденного от излишней информации, который сам по

себе – информация: время несущественно, прекрасное вечно...

Еще «До Эдема» было это знание: красота равна любви, равной мудрости. Райские яблоки от Жана Хача – не символ грехопадения, а символ нашей фантазии, изобретшей легенду об искушении.

«Нет ничего несвятого в мире, - уверяет художник. – Плотская любовь, интуиция животных, сияние звезд – все свято! Не святы только неправильные действия людей – и об этом неустанно помнит их загнанная в подсознание совесть».

В графике Жана Хача особенно четко проступает переход простого в сложное, ничтожного в значительное, быта – в бытие. Шляпки, маски, туфли, джинсы хаотически перемешиваются. Человеческое существо раслаивается, теряет себя, тонет в хаосе «Депрессии»... Но вдруг снисходит Сущность – великое, неизменное, бессмертное Нечто. Графика превращается в живопись. Мир зацветает.

И шепчет о любви «Гарнийский папоротник»... И совершается оплодотворение в «Большой игре» земной

Дело его жизни – объяснить и воспеть такую любовь – всевещающую, совершенную. Жилистые женские ноги, твердо стоящие на земле, и нежные женские глаза, наполняющие светом Вселенную – принадлежность материализованной Богини Бытия. Мужчина же – идеалистический творец, создавший и – преклоняющийся перед созданием. Коронная картина «Любовь» показывает нам единение творца и женщины. «Мелодию их чувств любовь вскормила,» - сказал бы Игорь Северянин. Божественные влюбленные вещественны, их тела не бесплотны, их земная страсть реальна. Но перья ангелов и венки сонетов причастны и к земной любви. Святость состоит в чистоте помыслов.

Ни старости, ни смерти нет места в творчестве Жана Хача. И самого его странно воспринимать таким, каков он сегодня, - поседевшим, погруженным, усталым... Его веющие буйным цветением весенне-летние картины ведут зрителей в 1975 год – к молодому, красивому Жану, смотрящему на нас с «Автопортрета» подобно художникам эпохи Возрождения – без вызова и одобрения, глубоким взором, предназначенным зачаровывать.

Точно так же, без вызова и одобрения, чаруя, смотрит Джоконда. «Я знаю, - рассказывает Жан Хач, - что Рамаз Чхеидзе простоял перед подлинником Леонардо полдня. Его ждали дела, он хотел остановиться перед шедевром на минуточку. Остановился, прошло мгновение – и вдруг его окликнули: «Извините, музей уже закрывается!» Куда же девалось проведенное перед Джокондой время? Рамаз не помнит».

Маленькие пейзажи Хача хороши по-особенному, отлично от сюжетной живописи и графики. В них природа обыкновенна, хотя и очищена от всякой скверны. Краски реальны, броско-ярки. В них звучит не абстрактно-идеальный мир, а зримая реальность: ветра и водопады поют в чащах, шелест листьев и капли воды говорят с нами о детстве, в котором, как пишет Даниил Гранин, «цветы пахли сильнее, леса были гуще, хлеб был вкуснее и каждая рыбина была огромной».

«В доме, где живу теперь – неподалеку от метро «Исани» – раньше, давным-давно, все пространство было заставлено аквариумами, - вспоминает Жан Хач. - Мы с братом разводили разных рыбок, продавали. Теперь на месте аквариумов – картины. Такое же разнообразие. Вот так...»

И еще одна загадка творчества Жана: «Энергию не надо притягивать. Надо просто всегда быть открытым добру – сила войдет сама. Можно, правда, помахать руками – легко, без напряжения. Помните, как девушки в школах отмахиваются от назойливых одноклассников?»

Жан встает и показывает – машет. Смотрится немного странно, но мне становится весело: так, наверное, гребут без весел бессмертные души, когда плавают на облаках...

Катя ЦИБЕР

ГРУЗИНСКИЙ СОЛОВЕЙ

1 мая 1879 года в Сигнахи родился великий грузинский певец, легендарный Вано Сараджишвили.

Можно уверенностью сказать, что ни одного артиста не любил грузинский народ столь горячо и преданно, ни одного не оплакивал так искренне и долго.

Лично я не встречал никого, кто слышал при жизни В.Сараджишвили и кто поставил бы рядом с ним кого-либо из наших или зарубежных певцов.

Все, кто когда-либо писал или высказывался о В.Сараджишвили, как правило, дают высочайшую оценку его несравненному искусству.

Хочу поделиться с читателем одним интересным воспоминанием. Как-то в середине 50-х годов я стал свидетелем беседы со студентами-вокалистами консерватории знаменитого грузинского певца – лучшего партнера Сараджишвили – Сандро Инашвили. Он говорил о том, что когда Вано пел на сцене Петербургского оперного театра (1907-1908), то местные меломаны были разделены на два лагеря: «сараджистов» и «мазинистов».

Напомню, что А.Мазини – крупнейший итальянский певец (тенор) докарузовской эпохи (он был намного старше Сараджишвили) – был в течение долгого времени кумиром петербургской публики.

Да, к сожалению, нам не довелось слышать при жизни великого грузинского певца, но много говорили о нем – и всегда в восторженных тонах – наши родители и учителя.

Можно считать, что для моего поколения осмысление истинного значения и величия Сараджишвили произошло в ноябре 1944 года, когда в Тбилиском оперном театре состоялся блестяще организованный, незабываемый вечер, посвященный 20-летию со дня его смерти (вечер вел Акакий Хорава).

Каких только восторженных слов и оценок не слышались мы в тот вечер, причем все «из первых рук». Ведь большинство участников и присутствовавших в зале прекрасно помнило замечательного певца. Думаю, что именно после этого вечера было решено присвоить Тбилисской консерватории имя Вано Сараджишвили.

Шли годы. Уходили из жизни один за другим творческие соратники и современники Вано, люди, слышавшие его при жизни. Нам же оставалась лишь одна технически несовершенная грампластинка с записью нескольких вокальных номеров в его исполнении, время от времени «крутившаяся» по радио. Впечатление было, скажем прямо, среднее. Невольно, со временем стало закрадываться сомнение: действительно ли таким великим певцом был Сараджишвили, каким нарекли его память народа, воспоминания современников?

Моему «отрезвлению» способствовали два очень весомых обстоятельства. Вначале – о первом из них. Несколько лет назад, с большим опозданием, я прочел книгу «Звучание жизни» (М., 1989) А.Мелик-Пашаева, посвященную его отцу – выдающемуся дири-

Вано Сараджишвили

жеру Александру Мелик-Пашаеву, блестящая артистическая карьера которого начиналась в Тбилисском оперном театре в 20-е годы.

Автор говорит о «старшем друге» своего отца, знаменитом певце того времени Ване Сараджишвили: «Вано обладал тенором волнующей красоты, утонченной музыкальностью и сценическим обаянием настолько неотразимым, что даже в конце жизни, повидав немало артистов мирового масштаба, отец затруднялся поставить кого-либо рядом с ним в этом отношении» (!!)

Должен сказать, что слова эти произвели на меня ошеломляющее впечатление.

Судите сами: один из крупнейших оперных дирижеров XX века, слышавший и сотрудничавший со многими прославленными певцами всего мира (например, с Марио дель Монако), дает такую, прямо-таки фантастическую, оценку искусству грузинского певца!

Спасибо великому дирижеру за эти слова, но спасибо и его сыну – А.А.Мелик-Пашаеву, донесшему до нас это замечательное высказывание.

Что касается второго обстоятельства, оно связано

«Брось камень!»

«Оранжевая любовь»

жизни... Прошлое, настоящее и будущее смыкаются в момент зарождения младенца Иисуса. «Белый Крест» сверкает над дланью Господа Бога Вседержителя – и мы, зрители, растворяемся в его свечении пузырьками и многоочием, потому что земное и надземное перестает различаться...

«Да, я четыре десятилетия изучаю Агни Йогу – учение Белого Братства Шамбалы, переданное нам через искусство Николая и Святослава Рерихов. Истина приходит избирательно. В реальной жизни было мало того, что особо повлияло на мое сознание.

Родился 4 марта 1949 года. Мама Ефросинья Хачатурян и папа Хачатур Хачатуров растили меня и брата Владимира (он тоже художник) обыкновенно. Я с детства нежно любил цветные карандаши и белорыже-карего кота Чижика, у которого были природные шикарные штанишки. О необыкновенном: соседка почувствовала толчок (вокруг никого не было) и выронила меня, малыша, с железнодорожного моста в Санаине - Алаверди. Внизу была насыпь острых камней – я благополучно упал в единственную гладкую выемку! Кто-то выбил из рук – кто-то поддержал при падении... Невидимое существует... Что же еще было?... Был Джек Лондон – учил, как стать настоящим мужчиной. И был еще Савмак из Боспорского государства, организовавший восстание скифов, герой, похожий на Спартака... Так, возможно, появилась уверенность, что жить – это делать свое дело, то дело, которое ты считаешь своим...»

Женские бедра, слоновьи бивни, соборные купола складываются у Жана Хача в мысли о величии любви.

с приятнейшим сюрпризом — выпуском компакт-диска и кассеты с записью восьми вокальных номеров в исполнении В.Сарадживили. Несколько слов о предыстории этого события.

Еще 30 лет назад наш знаменитый фольклорист и хормейстер Анзор Эркомаишвили занялся поисками уникальных записей грузинских народных песен и попутно записей В.Сарадживили, сделанных в начале XX века. Результатом его многолетних поисков явилось обнаружение бесценных подлинников записей народных песен. Что касается записей В.Сарадживили, то и здесь удача сопутствовала исследователю.

В Лондонском фонотеке он обнаружил подлинник-матрицу известной нам грампластинки, что давало возможность восстановления ее первоначального звучания.

В работу включился и наш прославленный певец Нодар Андгуладзе, который в процессе компьютерной обработки матрицы установил оптимальный баланс звучания.

Результат оказался потрясающим: голос великого певца зазвучал в своем первоначальном великолепии и

очаровании, в полном соответствии с блестящим ореолом, окружающим имя В.Сарадживили вот уже в течение почти целого столетия.

Добавлю, что, по предположению А.Эркомаишвили, где-то в фонотеках (наших или зарубежных) должны храниться еще семь неизвестных нам записей легендарного певца, и вспоминаю, что подобного же мнения придерживался и С.Инашвили.

Обнаружение этих записей явилось бы подлинной сенсацией и замечательным подарком для всего грузинского народа.

Спасибо Анзору Эркомаишвили и Нодару Андгуладзе, а также известному грузинскому металлургу и меценату музыкального искусства господину Гураму Кашакашвили, финансировавшему выпуск упомянутых компакт-диска и кассеты Вано Сарадживили.

Незабываемым для меня оказалось первое прослушивание этой записи (кстати, в присутствии своих студентов). Когда Вано затянул фразу из «Урмули» («Аробная»): «Гасцие, харо, гасцие», у меня из глаз непроизвольно потекли слезы.

Ясно, что в первую очередь, это было следствием испытанного «эстетического потрясения», но к нему, конечно же, примешивалось и чувство жгучей жалости по так рано — в возрасте 45 лет — ушедшему из жизни «грузинскому соловью».

Как вспоминали современники, прощания с великим певцом были беспримерными по своей массовости и глубокой искренности переживания. На панихидах играли известные грузинские музыканты и находившийся в то время в Тбилиси знаменитый пианист Владимир Горовиц. Траурная процессия из Дома писателей по запруженному до отказа проспекту и до сада оперного театра, где был похоронен певец, длилась шесть часов!

В.Сарадживили навечно остался в памяти народа, как «единственный и неповторимый», бессмертный, легендарный певец.

А теперь, я обязан поделиться с читателем пренеприятнейшей новостью, которая, уверен, вызовет его глубокое возмущение.

Как известно, наш великий композитор Захарий Палиашвили по просьбе Сарадживили написал и включил в оперу «Даиси» знаменитую арию «Таво чемо» («Мне судьбою горе суждено»).

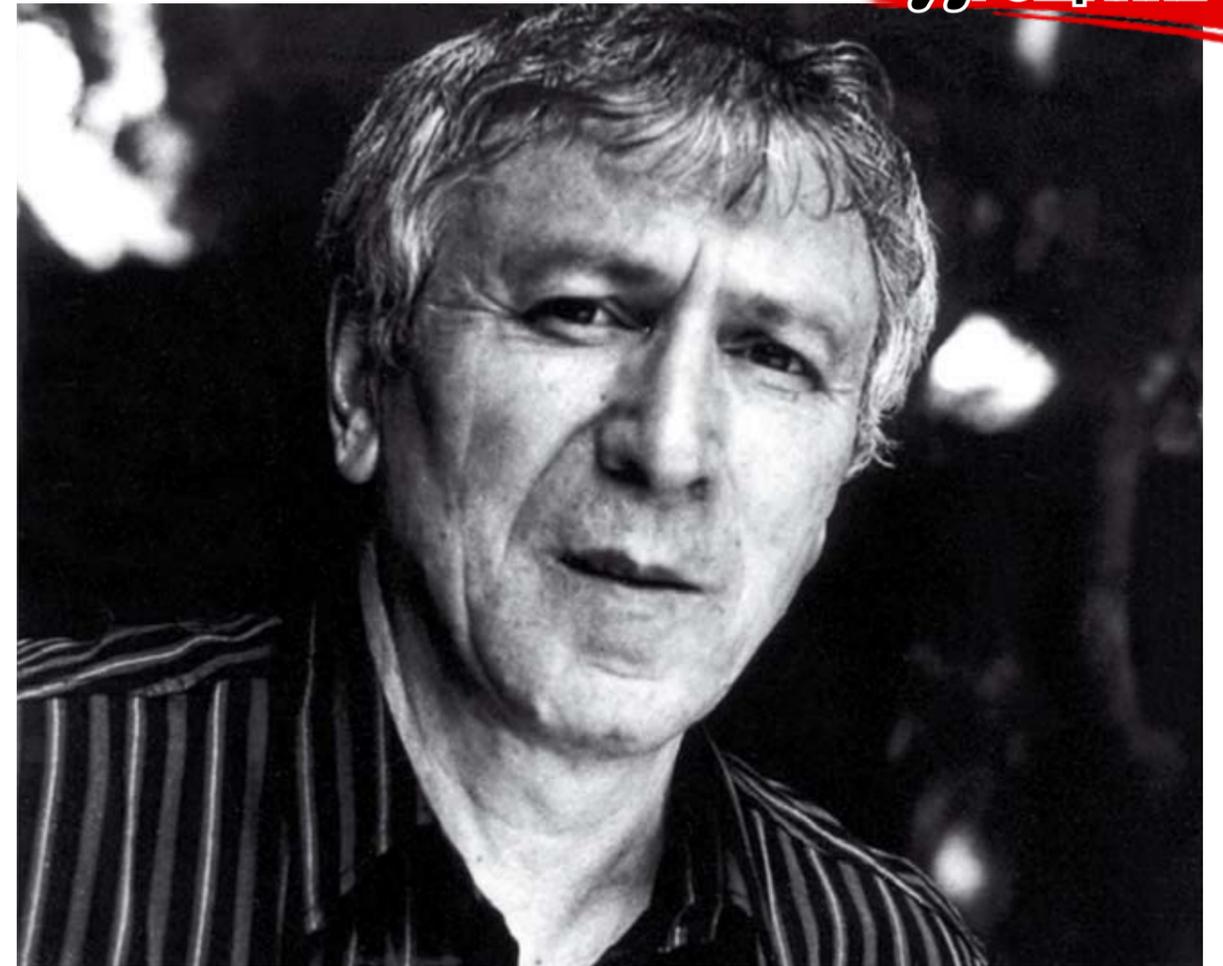
Горестный, фатальнейший смысл этих слов с силой раскрылся предо мной, когда я узнал, что в родном городе певца — Сигнахи был продан с молотка Дом-музей В.Сарадживили.

Закончить статью все-таки хочу словами благодарности и преклонения перед памятью великого певца, попутно «утешив» всех его почитателей и ценителей тем, что как мне сказали, оперный театр планирует вечер, посвященный 130-летию со дня рождения Сарадживили. Важно, однако, чтобы он был проведен на высоком государственном уровне, как официальное торжественное общественно-художественное мероприятие.

Как-то, незадолго до своей кончины, Андрей Мелитонович Баланчивадзе, кстати, посвятивший В.Сарадживили интересные воспоминания (в кн. «Андрей Баланчивадзе». Тб. 1979), на мой вопрос, кого он считает крупнейшим грузинским музыкантом-исполнителем XX века, не задумываясь, ответил: «Конечно, Вано Сарадживили. Это был великий певец, великий музыкант и великий артист!»

Замечательные, точные, глубоко справедливые слова!

Гулбат ТОРАДЗЕ

БЕССМЕРТИЕ

В ночь на 1 октября в Тбилиси после продолжительной болезни скончался выдающийся грузинский поэт и прозаик Отар Чиладзе.

И не так-то часто мы виделись. Даже когда жила в Тбилиси. Пожалуй, хватало состояния, точно зафиксированного Пастернаком: «Ты здесь. Мы в воздухе одном. Твое присутствие, как город...» Это не лирическое замечание. Кажется, без особого усилия он сумел сделать свои стихи, свою прозу и, наконец, свою судьбу неотъемлемой частью и своего города, и своей страны, и мирового художественного пространства. Но что, собственно, мы знаем об «усилии»? Может ли быть что-то более тяжелое, чем бесплотная мысль, когда ее вытягиваешь из небытия на свет, разминаешь, распрямляешь, точно колючую проволоку. Даже тени разбуженных мыслей могут грохотать по мостовой, «как бочки, набитые порохом». «Как ребенок — со зверем, он с мыслью остался один на один» — это не только о Галактионе, разумеется. О себе тоже.

Отар стал тем человеком, к слову которого прислушивалась целая нация. «В надежде, что станет добрей и свободней, народ окончательных истин просил у Данта, пришедшего из преисподней. Но истина не предвещала добра. Народ оробел и расспрашивал снова. И снова

не понял. И мысли из слова с трудом выносил, точно гроб со двора». Это из поэмы шестидесят третьего года. Потом была проза, ткань которой Отар создавал из живого, вечно текущего времени, в котором реальность и миф, прошлое и будущее существуют одновременно. А спустя сорок лет Отар вернулся из преисподней своего последнего романа «Годори», романа о судьбе родины. Создай сейчас кто из российских писателей такой страшно-обнаженный, отчаянием дымящийся текст о своей стране, его, пожалуй, ура-патриоты на дыбу подняли бы.

Но не только слова — и молчание Отара было значительно. Важно было, о чем и когда он молчит. Он принадлежал к тому крайне малому кругу писателей, сам факт существования которых среди нас является знаком — конца света пока не наступило.

В предпоследний мой приезд в Грузию в 2004 году в квартире его брата, прозаика и драматурга Тамаза Чиладзе, мы вспоминали апрель восьмидесят девятого, страшное начало девяностых. «Знаешь, мы сидели зимой в нетопленной комнате, при свече, и слушали, как внизу, в зоопарке, ревет голодный лев». Потом Отар вспоминал о единственном и едва ли не однодневном приезде в Грузию Иосифа Бродского, о том, как провели они весь день втроем, Отар, Иосиф и Тамаз, как, не выходя из лоджии, пили вино и говорили.

В сумке у меня лежал фотоаппарат. Но искушению сделать снимок я не поддавалась. Уже тогда Отар болел, а мне не хотелось быть уличенной в суетном желании сделать «фотографию на память».

«Что с того, если здесь мы не свидимся больше?»

Прощай! Все на свете случайно. Но это — не выход в беспечность, коль разлука навечно случайнее встреч невзначай. Лишь она мне дает ощутить натуральную вечность...» Это строки гениального перевода Бродского из Отара. Действительно, «что с того», если впереди «натуральная вечность». Однако нам довелось свидеться еще один раз, на этом свете теперь уже точно — последний, третьего июля этого года. Я не думала, что он найдет силы. Но нашел, для последнего, как всегда очень настоящего, серьезного разговора. Он говорил стоя, опираясь на спинку стула («так легче дышать»), непонятно было, откуда в изможденном недуге теле столько энергии. Точнее, это был наглядный, большой и страшный одновременно пример того, как брэнное тело человеческое служит проводником энергии высшего порядка.

Никакие сантименты между нами заведены не были. Но в тот раз, прощаясь, мы обнялись. И несколько секунд мне казалось, что я обнимаю птицу, которая вот-вот взлетит: вздымающиеся ребра и воздух под ними, клубящийся воздух, уже готовый стать частью общего воздушного океана. И теперь, когда я думаю о том, что значил этот человек в моей судьбе, меня не покидает горячее и благодарное осознание не прошедшего мимо чуда и ни с чем не сравнимое ощущение неба в объятьях.

Наталья СОКОЛОВСКАЯ

Когда я узнал, что нет Отара, из меня как будто вынули мою собственную юность, часть меня самого, ибо этот великий поэт для меня был Грузией, ее поэзией, ее природой, ее песнями и самыми гостеприимными в мире традициями. Так непоправимо больно, что мы уже никогда не увидимся. Тем не менее я надеюсь, что та трагедия, которая происходила и продолжает происходить между нашими государствами, никогда не перейдет во взаимную ненависть наших народов и поэзий. Если не мы, то наши дети все-таки будут любить и понимать друг друга, как мы когда-то понимали друг друга, как понимали друг друга Отар Чиладзе и Евтушенко, как понимали друг друга Пастернак и Ладо Гудиашвили и многие другие грузины. Прости меня и всех нас, дорогой Отар, за то, что меня сегодня нет перед прощанием с тобой. Прости...

Я тебя никогда не забуду. Я буду тебя всегда помнить.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Петербургские писатели отправили в Тбилиси телеграмму с соболезнованиями по поводу кончины известного грузинского поэта и прозаика Отара Чиладзе.

В телеграмме, подписанной Союзом писателей Петербурга, говорится: «Писатели Петербурга скорбят вместе с Грузией об одном из лучших ее сыновей, большом писателе Отаре Чиладзе. Отар — не только большой поэт и прозаик, но истинный нравственный лидер нации, совесть нескольких поколений. Выражаем соболезнование всему грузинскому народу, а также семье Отара Чиладзе».

Прости, Отар, своих друзей, всех, кто выдержал, и кто не выдержал это имя — «друг».

Твоя смерть, как провод под током, потрянула всех нас, знавших тебя. Как убийство Галактиона пятьдесят лет назад. Как описанное тобой убийство Ильи сто лет назад. Такая потрясенность не проходит с годами.

Смерть переиздается, как лучшие стихи. Спасибо за часы, проведенные над твоими стихами и поэмами.

Спасибо за девиз: «Я с городом моим стою и рхну».

Прощай и до свидания.

Владимир ЛЕОНОВИЧ

Мой великий друг Отар Чиладзе не умер, он ушел в бессмертие, слился с вечностью и, поднявшись на Мтацминду, взял свою последнюю высоту. Всю жизнь он поднимался на эту неприступную вершину, с молодых лет создавая шедевр за шедевром. Его стихи и поэмы стали крупным событием в грузинской поэзии. Это был голос нового поколения шестидесятников — другая интонация, иное содержание, устремленное к свободе и независимости, новаторская техника стихосложения, одновременно продолжающая классические традиции. С появлением первого из шести романов стало ясно, что в литературу пришел прозаик уровня Толстого, Достоевского, Томаса Манна. Каждый последующий роман — это история развития грузинского духа в сочетании с остро современными, порой трагическими проблемами. Язык и стиль прозы Отара определили мощный прорыв в будущее грузинской литературы. Это гениальный и смелый новатор, который возвел нашу культуру на высочайший мировой уровень.

Этот страстный патриот был настоящим гражданином мира, в его блестящих переводах звучали голоса великих поэтов от Пушкина до Лонгфелло. Высочайший интеллект, энциклопедические знания, виртуозное владение родным грузинским языком ставят Отара в один ряд с именами бессмертных реформаторов прозы: Пруста, Джойса, Фолкнера. Яркий художник, глубокий философ, тонкий психолог, проникающий в глубины человеческой души, щедро оставил нам в наследство все, что было создано титаническим, упорным, многолетним трудом.

Вот и теперь, покоясь на Мтацминде рядом с выдающимися сынами Грузии, он поставил перед молодым поколением серьезную задачу — постигать истину, заключенную в его книгах, учиться не на словах, а не деле любить родину, подниматься все выше и выше, чтобы поклониться его могиле и каждый раз ощущать, что он с нами, что он навечно с народом Грузии, которую он любил больше жизни.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო აკადემიური რუსული დრამატული თეატრი

Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

მცირე დარბაზი

Малый зал

საზონი

164

სეზონი

ნოემბერი

Ноябрь

1 კვ., 7 შბ., 8 კვ., 13 პრ., 14 შბ., 15 კვ., 20 პრ., 21 შბ., 22 კვ.

1 вск., 7 сб., 8 вск., 13 пт., 14 сб., 15вск., 20 пт., 21 сб., 22вск.

პრემიერა

Премьера

დიდი პოეტის 195 წლის იუბილესთან დაკავშირებით

კ 195-ლეთი ვიდიკო პოეტი

М. Лермонтов

მ. ლერმონტოვი

მწერი

Мцыри

Поэтическая фантазия в одном действии

პოეტური ფანტაზია ერთ მოქმედებად

6 პტ.

6 პრ.

ყვითელი ანგელოზი

Желтый ангел

Моноспектакль И.Мегвинетухуцеси по песням Александра Вертинского

ი.მეღვინეთუხუცესის მონოსპექტაკლი ალექსანდრე ვერტინსკის სიმღერების მიხედვით

15 вск.

Дж. Родари

15 კვ.

ჯ. როდარი

ჩიპოლინო

Чиполлино

Музыкальное представление

მუსიკალური წარმოდგენა

22 вск.

22 კვ.

ემელიას ბედნიერება

Емелино счастье

Музыкальное представление по мотивам русских народных сказок

მუსიკალური წარმოდგენა რუსული ხალხური ზღაპრების მიხედვით

27 პტ., 28 сб., 29 вск.

Премьера

27 პრ., 28 შბ., 29 კვ.

პრემიერა

Б. Брехт

ბ. ბრეხტი

არტურო უის კარიერა

Карьера Артуро Уи

Гангстерское обозрение

განგსტერული მიმოხილვა

სპექტაკლების დასაწყისი: დღის 12.00 სთ.; საღამოს 18.00 სთ

Начало спектаклей: утренних 12.00 ч.; вечерних 18.00 ч.

მმართველი და თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

Управляющий и художественный руководитель театра Автандил Варсимашвили лауреат Государственной премии Грузии лауреат премии им. К. Марджанишвили

ცნობები ტელეფონებზე: 93-11-06, 93-43-36

Справки по телефонам: 93-11-06, 93-43-36

Airzena

fly with us with **E**lectronic **TICKETS** now!

www.airzena.com